

Часть вторая

ЗАГОВОРЫ

РУССКИЕ ЗАГОВОРЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

СОБИРАНИЕ, ИЗДАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ

Заговорами называют ритмически организованные тексты формульного характера, которым припысывалась магическая сила, способная вызвать желаемый результат. У носителей фольклора они имеют различные названия, например: заклинания, наговоры, молитвы, обереги, отпуски-отвороты, присушки, отсушки, остуды, шепоты и пр. Заговоры — древнейший жанр фольклора и своеобразная ветвь обрядовой поэзии.

Вероятно, еще до принятия на Руси христианства заговоры имели большое распространение среди народа. Подтверждение этому находим в летописи: "...в си роди (в настоящем поколении. — Ф.Б.) много волхвують жены чародейством, и отравою, и инеми бесовьскыми козньми. Но и мужи прелщени бывають от бесовъ невернии..." (1071 г.)[1]

Широко бытовали лечебные наговоры. Самый ранний подлинный текст заговора от лихорадки обнаружен в 1991 г. археологами при раскопках древнего Новгорода, которые ведутся под руководством академика В. Янина. Текст написан в конце XII в. на берестяном свитке. До этой находки науке было известно два заговора в рукописях XV—XVI вв.[2] Все остальные тексты заговоров записаны этнографами и фольклористами в XVIII—XX вв. Заговоры привлекали внимание многих крупных ученых и деятелей культуры. О них писали Ф.И. Буслаев,

---

[1] *Повесть* временных лет. — М.; Л., 1950. — Ч. 1. — С. 120.

[2] *Грошевский В.* Новгородские сенсации археологов // Известия. — 1991. — 26 нояб. — № 280.

А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, Е.Н. Елеонская, Н.Ф. Познанский, В.П. Петров, А.М. Астахова, А.А. Блок[3] и др.

В Сибирь заговоры были занесены казачьими отрядами, ватагами промысловиков, охотников, потоками крестьян-переселенцев и ссыльными людьми. Их бытование здесь отмечено уже в XVII в.

В прошлом заговоры как правило были профессиональным достоянием "знатких людей": знахарей, знахарок, колдунов, колдуний, шептуний, ведунов, волхвиток, лекарей. Однако некоторые заговоры имели распространение во всех сословиях[4].

О том, что наговорное искусство широко практиковалось в Сибири XVII—XVIII в., сохранился ряд документов, выявленных исследованиями Н.Н. Покровского. В начале 1654 г. царь Алексей Михайлович в одной из грамот в Томск писал: "...ведомо учинилось... что в Сибирских городах многие незнающие люди, забыв страх божий и не помятуя смертново часу и не чая себе за то вечные муки, держат у себя отреченные книги, и письма, и заговоры, и коренья, и отравы, и ходят к ведунам и к ворожеям, и на гадальных книгах костми ворожат, и тем кореньем и отравы и еретическими наговоры многих людей насмерть портят..."[5]

Известный воевода Афанасий Пашков сообщал царю Алексею Михайловичу о разоблачении им енисейских колдунов, занимавшихся ворожбой, заговорами и знахарством. Сохранилось дело 1679 года о порче сургутских крестьян, казаков и дворовых воеводы князя Константина Щербатого. Последний жаловался царю Федору Алексеевичу: "В нынешнем, Государь, во 187-м (1679) году портили меня, холопа твоего, и женишку и детишек моих дворовые мои людишка — Гришка Егубьев с сестрою Акулькою да девка Марфутка Павлова. А в допросе [...] они и с пытки говорили, что им наговорный хлеб, и соль, и траву, и порох давали сургуцкой казак Ларька Ярофеев да денщик Ивашко Костянти-

---

[3] *Буслаев Ф.И.* О сродстве одного русского заклятия с немецким, относящимся к эпохе языческой // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — СПб, 1861. — Т. 1; *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. — М., 1866. — Т. 1; *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. — Харьков, 1905; *Елеонская Е.Н.* К изучению заговора и колдовства в России. — М., 1917. — Вып. 1; *Познанский Н.Ф.* Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. — Пг., 1917; *Петров В.П.* Заговоры // Из истории русской советской фольклористики. — Л., 1981; *Астахова А.М.* Художественный образ и мировоззренческий элемент в заговорах. — М., 1964; *Блок А.А.* Поэзия заговоров и заклинаний // Собр. соч.: В 8 т. — М.; Л., 1962. — Т. 5.

[4] *Елеонская Е.Н.* К изучению заговора и колдовства в России. — С. 6, 11.

[5] *Покровский Н.Н.* Материалы по истории магических верований сибиряков XVII—XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII — начала XX в. — Новосибирск, 1975. — С. 113.

нов"[6]. Все пятеро подозреваемых полностью сознались, но воевода не посмел наказать колдунов своей властью, а сообщил об этом царю. Это дело не единственное. В 1686 г. скончался якобы от порчи туринский воевода Игнатий Дурново. Во время широкого следствия туринские "стрельцы и посадские ямщики и крестьяне, сто тридцать восм человек, сказали", что колдуны похвалялись ранее извести воеводу и произносили страшный заговор: "Каковы де у них на ногах башмаки черны, таково де у воеводы Игнатия Дурново сердце будет черно, и каково де воевода сковал их в железа, таково де у него сковано будет сердце"[7].

Архивные документы свидетельствуют о том, что в сибирских вотчинах было немало знатоков заговорного дела: "задворный человек Васька Михайлов... ворожит и коренщик", "крестьянин... Васька Брюзга ворожбу свою отдал сыну своему Мишке Васильеву", дворовый детина Ермошка Онтонов "ворожит и знатлив..."[8] Подобных "знатких людей" в Сибири было много.

Заговоры бытовали в двух формах: устной и рукописной. Одним из источников распространения заговоров были рукописные лечебники. По Сибири ходили рукописи лечебников XVI в. Это была целая медицинская энциклопедия того времени. В них описывались самые разнообразные болезни и способы избавления от них, причем с привлечением заговоров (как останавливать кровь, заговаривать зубы, очерчивать чирей, избавиться от испуга и т.д.). "Все эти заговоры и до ныне приводится слышать всюду в Сибири от Урала до Камчатки и не только по селам и деревням, но нередко и в городах"[9].

В рукописном собрании Государственного исторического музея хранятся два рукописных сборника сибирских заговоров первой трети XVIII в. Всего в них 20 заговоров, большая часть которых (12) военные — от оружия и "удара". Это, по справедливому мнению исследователей[10], указывает на то, что сборники были составлены "служилыми людьми". Любопытно то, что один из заговоров имеет следующее окончание: "И спомянуть воина Ермака во царствии небесном". Официальное церковное поминовение покорителя Сибири, установленное в первой четверти XVIII столетия по инициативе тобольского митрополита Киприана, про-

---

[6]*Покровский Н.Н.* Материалы по истории... — С. 114.

[7]Там же. — С. 115.

[8]Там же. — С. 114.

[9]*Ионин А.А.* Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. (г. Иркутска, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской обл. и Забайкалья... с приложением многих подлинных актов, грамот и снимков). — Б.М., б.г. (на с. 4 указан 1895 г.)

[10]См.: *Туриловъ А.А., Чернецовъ А.В.* Ангел Пострелил и зверь Любимец (сибирский сборник заговоров первой трети XVIII века) // Живая старина. — 1994. — № 1. — С. 26—27. Тексты заговоров из этих сборников включены в книгу "Слова на побоище идти", подготовленную А.А. Туриловым и А.В. Чернецовым для петербургского издательства "Хронограф".

должалось только в Тобольской епархии, которая охватывала всю азиатскую территорию России вплоть до 1720 г. Это одно из важных свидетельств сибирского происхождения данных рукописных сборников.

Собиратели русского фольклора записали в Сибири большое количество заговоров. Ранние записи сибирских заговоров относятся собирателями к первой половине XIX в. Наиболее ценные, полные и совершенные в художественном отношении тексты этого жанра опубликованы С.И. Гуляевым, М.Ф. Кривошапкиным, Д.А. Клеменцем, А.А. Макаренко, В.С. Арефьевым, А. Савельевым, М.В. Красноженовой, Я.О. Бирюковым, П.М. Толмачевым, Б. Герасимовым, М.К. Азадовским, Г.С. Виноградовым[11] и др.

Общее число собранных в Сибири заговоров значительно превышает вместе взятые известные собрания русских заговоров, составленные П.С. Ефименко, Л.М. Майковым, Н.Н. Виноградовым, А. Ветуховым[12]. Причем по своим художественным достоинствам сибирские тексты заклинаний ничуть не уступают текстам названных собраний. Много неопубликованных текстов заговоров русского населения Сибири находится в государственных архивах, музеях, рукописных отделах библиотек и институтов Москвы, Санкт-Петербурга и городов Сибири, в архивах собирателей сибирского фольклора. В рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) в фонде № 163 хранятся тетради о знахарстве, в которых собрано много заговоров,

---

[11] *Гуляев С.И.* Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. — 1848. — Т. 90, отд. 3; *Кривошапкин М.Ф.* Енисейский округ и его жизнь. — СПб, 1865. — Т. 1; *Клеменц Д.А.* Наговоры и приметы у крестьян Минусинского округа: Материалы для изучения миросозерцания сибирского сельского населения // Изв. ВСОРГО. — 1888. — Т. 19; *Макаренко А.А.* Материалы по народной медицине Ужурской вол., Ачинского округа Енисейской губ. // Живая старина. — СПб, 1898. — Вып. 3/4; *Арефьев В.С.* Образцы народной словесности: Приметы, гадания, колдовство, наговоры и суеверия // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1902. — Т. 32, № 1/2; *Красноженова М.В.* Материалы по народной медицине Енисейской губ. // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1910. — Т. 39. — С. 10—33; 1911. — Т. 42. — С. 65—86; *Толмачев П.М.* Заговоры и поверья в Забайкалье // Сибирский архив. — Иркутск, 1911. — № 2/3; *Азадовский М.К.* Заговоры амурских казаков // Живая старина. — СПб, 1915. — Вып. 3/4. — С. 5—15; *Виноградов Г.С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири // Живая старина. — СПб, 1915. — Вып. 4; *Он же.* Поверья и обряды крестьян-сибиряков: Материалы по этнографии Нижнеудинского уезда // Сибирский архив. — Иркутск, 1915. — № 3—5; *Лечебные* "наговоры" Приангарского края. Из собрания А.А. Савельева. Записал А.А. Савельев в 1909—1917 гг. / Сост. В.А. Кляус. — М., 1990.

[12] *Майков Л.Н.* Великорусские заклинания // Зап. РГО по отд-нию этнографии. — СПб, 1869. — Т. 2; *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Изв. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. — М., 1877. — Т. 30, вып. 2, кн. 5. — С. 139—222; *Виноградов Н.Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр. // Живая старина. — СПб, 1907. — Вып. 1, 2; 1908. — Вып. 1—4; 1909. — Вып. 4; *Ветухов А.* Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова // Русский филологический вестник. — Варшава, 1901. — Вып. 1—4; 1902—1907. — Вып. 1, 2 (ежегодно по два выпуска).

записанных С.И. Гуляевым в Южной Сибири; в материалах М.В. Красноженовой есть более 300 заговорных текстов; имеются они и в коллекции А.М. Астаховой, которая записала заговоры в 1934 г. у семейских Забайкалья. Там же хранятся записи других собирателей сибирского русского фольклора. Имеются сибирские заговоры и в Архиве Географического общества. В настоящий том нами включены тексты из различных изданий Императорского русского Географического общества, из периодики старой Сибири, а также обнаруженные в рукописных отделах различных библиотек и архивах страны: АГО, РО ИРЛИ (Пушкинский дом), ГАИО, ЦГА Республики Бурятия, РО БФ СО РАН, в архивах вузов Сибири (АГУ, КГПИ, НГПИ, ОГПИ).

Бытование заговоров во многом тайна для нас. Еще недавно ученые-фольклористы писали об их исчезновении. Но заговоры еще встречаются и не только в среде пожилых людей. В полевых экспедициях 1969—1988 гг. Ф.Ф. Болоневым записано более 100 заговоров и заговорных формул, причем и от молодых людей. Это прежде всего заговоры лечебные и социальной тематики. Много подобных произведений собрали фольклористы Института общественных наук Бурятского научного центра. Более 200 заговоров записали студенты Красноярского пединститута под руководством Н.А. Новосёловой в Красноярском крае. М.Н. Мельниковым со студентами за последние 20 лет в Западной Сибири собрано несколько сот текстов заговорных формул. Примерно 500 заговоров записано преподавателями и студентами Омского пединститута.

Из известных нам собирателей-энтузиастов в 1950—1980-е гг. самое большое количество заговоров (свыше тысячи) записал неутомимый и увлеченный краевед-любитель из г. Белова Кемеровской обл. И.М. Турбин. Предоставленные им тексты сопровождены описанием действий, сопутствующих их использованию. Примерно тысячу заговоров И.М. Турбин отправил на хранение в рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский дом), несколько сот — прислал Ф.Ф. Болоневу, за что мы выражаем ему свою благодарность.

Собиранием заговоров в Иркутской обл. и Красноярском крае занимались Г. Афанасьева и Л.А. Мухомедшина. Г. Афанасьева издала книгу "Знахарство и колдовство в Сибири" (Иркутск, 1991). Большую работу по собиранию восточнославянского фольклора и его изданию на Дальнем Востоке ведет Л.М. Свиридова. Ею собраны десятки заговоров, особенно много лечебных и от змей. Включенные в данный том тексты названных собирателей значительно расширили его тематическое содержание и представления о географии бытования этого жанра. Публикуемое в настоящем издании первое систематизированное собрание русских заговоров Сибири и Дальнего Востока — результат длительной кропотливой работы нескольких поколений сибирских этнографов и фольклористов.

Русское население Сибири хранит исключительно богатое наследие заговорного искусства. В этом обширном регионе записаны заговоры, применявшиеся в различных сферах человеческой деятельности и в отношениях людей друг к другу, но особенно много зафиксировано лечебных и охранительных заговоров, связанных с народной медициной. Это не случайно. Здоровье дороже всего. Здоровье — всему голова.

Всего просмотрено более 2,5 тыс. заговоров. Для настоящего собрания отобраны лучшие образцы памятников этого древнейшего сакрального жанра. Представлены практически все районы Сибири и Дальнего Востока. Нужно отметить, что тексты, записанные в разных регионах, неравнозначны по своим художественным достоинствам. Встречается много вариантов. Не все записи имеют полную паспортизацию. Иногда весьма трудно установить нынешнее местонахождение населенных пунктов, указанных по дореволюционному административному делению. Часть поселений и хуторов к настоящему времени перестала существовать. В связи с этим в наших примечаниях мы отразили только те названия, которые зафиксированы собирателями во времена записи памятника фольклора.

Отобранные для настоящего издания тексты заговоров мы располагаем по функционально-тематическому принципу, учитывая развитие способов производства, хозяйственной, социальной, лечебной и иной деятельности человека от древнейших видов до более поздних. В основу нашей классификации положены трудовые отношения, древние способы и виды занятий, забота о здоровье людей, скота и охрана добытой или полученной трудом продукции, общественные отношения, быт, личные отношения, любовь, забота о сохранении общины, семьи, самого человека. Уровень производства, знаний и умений, меняющиеся религиозные представления определили и мировоззрение создателей этих заговоров.

ФУНКЦИИ И ПОЭТИКА ЗАГОВОРОВ

Русские заговоры Сибири выполняли утилитарно-прикладную функцию в жизни общества: с их помощью пытались охранить хозяйство, посевы, скот, они играли видную роль в народной медицине, в любовных, бытовых и общественных отношениях. Зачастую их роль сводилась к иррациональным методам воздействия на окружающий мир. Не исключается и рациональный характер влияния некоторых видов заговоров на состояние человеческого организма. Значение внушения и роль слова доказаны современной наукой. Их психотерапевтический эффект широко известен.

Русские заговоры поражают своим удивительным богатством образных средств. Их тексты не уступают по своим художественным достоинствам лучшим произведениям народной словесности. Дивная

Анна Никитична Коновалова (бабка Осиха), лекарка. Чикой, 1970 г. Фото Ф.Ф. Болонева.

поэзия заговоров, таинственный феномен их бытования привлекли одного из виднейших деятелей русской культуры XIX в. Ф.И. Буслаева, который отвел заговорам значительное место в своих изысканиях. В одном из сочинений он писал: "...В отношении истории поэзии этому замечательному отделу народной словесности нельзя не отдать справедливости в оригинальности и смелости поэтических образов и в искренности восторженного суеверия. Немцы дали почетное место в истории своей литературы двум коротеньким заговорам, сохранившимся в рукописи X века: неужели мы, не столь богатые, как немцы, древними поэтическими памятниками, не допустим в историю нашей литературы... исполненных высокой поэзии заговоров..."[13]

Для заговоров характерна устойчивость их форм, которая определена спецификой жанра. На протяжении многовекового бытования заговор как магическое средство передавали "знаткие люди", не изменяя его текста и сопровождающие его ритуальные действия. Сохранению целостности и неизменности заговорных формул способствовали и некоторые особенности передачи заговоров другим лицам. Их нельзя было использовать в искаженном виде, передавать лицам, старшим по возрасту (от этого они якобы теряли магическую силу). Заговоры передавали только тем, кто в будущем будет продолжать практику знахарства, соблюдая в точности весь полученный в наследство арсенал знаний и умений.

---

[13] *Буслаев Ф.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — СПб, 1861. — Т. 2. — С. 49.

Заговоры отражали активную волю людей. В категоричной подчас форме в них выражены требования, которые должны были быть выполнены согласно воле знахаря, лекаря. Не случаен в них и элемент угрозы. Человек, создавая заговорное, заклинательное действо, сочинял и яркую словесную формулу с точным сравнением, с глубокой выразительной метафорой или метонимией и тождественного речению действия, пытался победить непонятные ему силы природы, стесняющие его волю общественные явления, повлиять на них в нужном для себя направлении. Придав при этом таинственность заговорной процедуре, он был глубоко убежден в магической силе произносимых слов и совершаемых действий, надеясь, что с их помощью он добьется желаемых результатов. К тому же заговоры, возникнув на раннем этапе истории человечества, были связаны с важной особенностью общественного сознания — способностью представлять мир в одушевленных образах. Так, по представлению древних людей, болезни, тоска, любовь — живые существа, которые могли проникать в организм и сосредоточиваться в какой-либо части тела (эти представления дожили и до XX в.). А повлиять на них можно было сильным выразительным словом в совокупности с принудительным (подчас символическим) действием. Этим действием могли быть удар топором через веник, палкой, уколы стрелой, ножницами, толчок рукой в больное место, смывание водой, умывание росой, окуривание, прижигания и пр. Исходя из вышеизложенного, мы считаем возможным уточнить определение заговора: заговор — это ритмически организованная *словесная формула магического действа,* имеющая целью оказать воздействие на окружающий мир для достижения желаемого результата.

Композиция и художественные средства заговоров весьма своеобразны. В нашем собрании представлены почти все типы сибирских заговоров. Нет только абракадабр. Или собиратели фольклора их не записывали, или же сибиряки-рационалисты эти непонятные наборы слов и звуков отвергали и не вводили в свою заклинательную практику. Хотя данный тип заговора в русских заговорных собраниях встречается. В Сибири распространены разные композиционные схемы заговоров, среди них встречается и та, которую исследователи относят к наиболее поздней классической форме. Она состоит из пяти частей: введения, зачина, эпической части, закрепки и зааминивания. Заговоры подобного типа часто начинаются со слов христианской молитвы: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа". Затем следует зачин, который, вероятно, представлял когда-то действия лица, совершающего обряд: "Встану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в широкое раздолье" (№ 356, 360, 409, 485, 487 и др.). В заговорных текстах, когда заинтересованное лицо, колдун или знахарь обращается к нечистой силе, эта формула может приобретать

следующий вид: "Встану я, не благословясь, пойду, не перекрестясь, не из дверей в двери, не из ворот в ворота..." (№ 501, 502, 519 и др.). То есть человек сознательно идет не обычным для людей путем, а путем, характерным для потусторонней нечистой, неведомой силы (заячьими тропами, мышиными норами).

Многие варианты зачинов описывают какое-либо загадочное, сказочное место: "На море на окияне, на острове Буяне стоит престол..." (№ 536 и др.) или же "На том святом синем море-окияне... лежит бел Латырь-камень" или "бел горюч камень" и пр. (№ 355 и др.). Для некоторых заговорных зачинов характерна пространственная ориентированность на природу, на космос. "Встану я, раб Божий (*имярек*), благословясь, пойду, перекрестясь, умоюсь студеной ключевой водою, утрусь тонким полотенцем, оболокусь я облаками, подпояшусь красною зарею, огорожусь светлым месяцом, обтычусь частыми звездами и освечусь я красным солнышком" (№ 525). Многие заговоры читаются на три зари, на девять зорь, на луну, на восход или заход солнца и т.д. Заря — светоносное, благотворное начало во многих житейских событиях, особенно в свадебной обрядности, в лечебной практике. Часто в формуле зачина встречается образ Алатырь-камня, бел Латырь-камня, бел горюч камня (№ 355, 557 и др.). Одни ученые (А.Н. Веселовский) находят в этом образе христианский алтарь, другие (Н.И. Коробка) видят первозданный камень начала творения, древнейший мифологический образ. В "Стихе о голубиной книге" говорится, что белый Латырь-камень — всем камням отец. По верованиям восточных славян, под тем камнем сокрыта сила могучая, и силы конца нет. От него идет вся крепость и сила. Вот почему с этим камнем связано симпатическое обрядовое действо.

В эпической части обычно заключена или сформулирована основная просьба, в ней изложена суть самого заговора-заклинания. Так, охотнику нужна удача в охоте, и он заклинает: "бежали бы зайцы белые и серые... по моим ловушкам и моим пáстушкам", а "ружье било-пробивало... по всякой птице летучей, по всяким зверям рыскучим" (№ 355, 358). Земледелец желает сохранить посевы: "Той еси, солнце жаркое! Не пали и не пожигай ты овощ и хлеб мой... а жги и пали куколь и полынь-траву" (№ 381). Девушка старается "присушить" любимого, больной — изгнать хворобу, избавиться от болезни и т.д.

Для того чтобы пожелание заговаривающего исполнилось, в схему заговора введена закрепка или заключка, которая может иметь как развернутую закрепительную, так и сжатую, короткую формулу: "Будьте все мои слова крепки-лепки, крепче камня, крепче булата, острее острого ножа" (№ 501), "Будьте слова мои крепки и лепки, крепче булату, лепче камня-магниту" (№ 512) или "Голова моя — коробея, язык мой — замок" (№ 525), "Заключаю крепким замком и ключ — в воду" (№ 489). Как правило, заговор зааминивался, т.е. заканчивался словом

"аминь", что в переводе с древнееврейского означало: истинно да будет так. Часто это слово произносили трижды, а сам заговор читали три, девять (три раза по три) или 12 раз. Это делалось для усиления влияния заговора и его надежности. Три — священное, сакральное число. Вообще в заговорах многократное усиление образа — своеобразная стилистическая особенность. "Три тоски тоскучие, три рыды рыдучие" (№ 504) должны были сильнее разжечь тоску и любовное пламя у любимого человека. Поэтика сибирских заговоров имеет общерусские корни. Она особо ничем не отличается от традиционной поэтики заговоров, записанных в европейской части России. Очень часто текст заговора строится на приеме сравнения. Этот прием мы уже видели в примере XVII в. (дело о порче туринского воеводы Игнатия Дурново): "Как башмаки черны, так у воеводы будет сердце черно..." Прав был В.П. Петров, когда утверждал, что "заговоры основаны на вере в действенную осуществимость сравнения"[14]. В данном случае функция сравнения не изобразительная, как в других видах фольклора, а реализующая — средство реализации практической цели. Поэтические средства русских заговоров разнообразны. В них поражает богатство эпитетов, метафор, метонимий, анафор, повторов, неистощимость и убедительная наглядность сравнений, архаика языка, народно-образные наименования болезней, животных, растений, змей, насекомых, частей тела, всевозможных органов человека и животных. Широко практикуется прием перечисления всех видов болезней, всех частей животного и человека. Так, чтобы не встретить змеи, в заговоре для этой цели перечисляются все виды змей, обитавшие в данной местности. Читающий заговор требует от царя восточного, от царя полуденного, от царя полуночного, чтобы он убрал гада земляного, травяного, подкустного, подколодного, ползучего, скакучего, летучего... (№ 431). В заговорных формулах мы находим повторения, сквозные эпитеты, прием ступенчатого сужения и др. Вот, к примеру, прием повторения сквозного эпитета "белый": "Под восточной стороной стоит белая береза, под белой березой — белый камень, под белым камнем — рай-щука" (№ 565). Прием ступенчатого сужения часто встречаем в формулах типа: "Из-под белой березы, из-под зеленого дуба выходит царь" и каленой стрелой состреливает порчу с человека, "с его тела, с его крови, с его легкой печени, с его ретивого сердца, с его семидесяти семи жил, с его семидесяти семи суставов" (№ 724) и т.д.

А.А. Блок писал, что «заговоры, а с ними вся область народной магии и обрядности, оказались тою рудой, где блещет золото неподдельной поэзии, тем золотом, которое обеспечивает и книжную "бумажную" поэзию вплоть до наших дней»[15]. Чуткое к художественному

---

[14] *Петров* В.П. Заговоры (публикация А.Н. Мартыновой) // Из истории русской советской фольклористики. — Л., 1981. — С. 123, 133.

[15] *Блок* А.А. Собр. соч.: В 8 т. — М.; Л., 1962. — Т. 5. — С. 37.

слову ухо поэта-исследователя не могло не уловить, что восприятие заговоров человеком исторически обусловлено, что современный человек утратил характерную для древности гармонию пользы и красоты, что "первобытная гармония согласует эти слова и дела; слова становятся действием. Сила, устрояющая их согласие, — **творческая сила ритма**" (выделено нами. — М.М.). Поэт разглядел архаическую утилитарность и полифункциональность заговоров. Он писал: "Для того чтобы вылечить болезнь, хорошо работать, быть счастливым в домашней и хозяйственной жизни, на охоте, в борьбе с недугом, в любви — нужен ритм, который составляет сущность заклинания"[16].

Эту же мысль развивает В.П. Аникин: "Первобытный человек пришел к убеждению, что ритм, ритмическое слово может быть полезным не только в работе, но и в случае, когда надо оказать влияние на воображаемый мир сверхъестественных сил". Заговор, по утверждению В.П. Аникина, есть традиционная ритмически организованная словесная формула, которую человек считал магическим средством достижения различных практических целей[17]. В ритмической организации заговорных формул он видит возможность их сближения с трудовыми песнями.

Не менее веские основания имеются для сближения заговоров с заклинательными песнями земледельческого календаря ("Пшеница, — родись! Ячмень, — родись! Овес, — родись!"; "Куда конь копытóм, там жито кустом, куда коза рогом, там жито стогом"[18]), с гадальными ("Кому песню поем, тому добро, слава! Тому сбудется, не минуется, слава!"[19]), с хороводными ("Ты удайся, удайся, ленок, ты удайся, мой беленький ленок!")[20].

Подобные ритмически организованные формулы-заклятия встречаются и в жанрах, восходящих еще к доземледельческому периоду нашей истории. Например, в эпических клише волшебных сказок: "Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: ко мне передом, к лесу задом" или "Сивка-Бурка, вещая коурка, стань передо мной, как лист перед травой!". Такие сопоставления вполне правомерны и взятые вместе явно свидетельствуют, что на ранних стадиях развития общественного сознания слово отождествлялось с обрядовым действом и осознавалось как творческое начало, как всесильный инструмент Творения ("В начале было слово") и как таковое вошло в архаические жанры

---

[16]Там же. — С. 52—53.

[17]*Аникин В.П.* — Русский фольклор. — М., 1987. — С. 94.

[18]*Календарно-обрядовая* поэзия сибиряков / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. — Новосибирск, 1981. — № 96, 118.

[19]Там же. — № 176.

[20]*Хороводные* и игровые песни Сибири / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. — Новосибирск, 1985. — № 178.

фольклора. Но при внешнем сходстве заклинательных формул фольклорных жанров просматриваются существенные различия в их ритмической структуре. Принципиальным из них является различие ритмов стихотворных и прозаических произведений.

Для древних заговоров и архаических фрагментов заговорных формул более позднего времени характерна прозаическая организация текста. То же можно сказать и о фрагментах, пришедших из молитв, книжных источников:

Понесите мою тоску-сухоту чрез реки быстрыя,
не оброните мою тоску-сухоту в реки быстрыя —
от моей тоски-сухоты реки быстрыя посохнут.
(№ 512)

Батюшка Симон шел путёй-дорогой,
навстречу ему двенадцать дев..
(№ 644)

На Сияновской горе
стоит дуб на дубу,
крест — перед дубом,
под дубом — камень.
(№ 645)

Как горит-гаснет лучина-кручина,
так и болезнь-лупоглазка.
(№ 714)

— Млад месяц, был на втором суду?
— Был.
— Видел Антипа?
— Видел.
— Не болят ли у него белые зубы?
— Не болят.
(№ 631)

Первичными ритмическими единицами заговоров прозаической организации, как и в других жанрах художественной прозы, являются речевые колоны. М. Гаспаров определяет колон как ритмико-интонационную единицу звучащей речи, речевой такт, который в смысловом плане сближается с синтагмой. Синтагма — первичная семантико-синтаксическая и ритмико-мелодическая единица речи, состоящая из нескольких слов[21]. Важную роль в художественной организации текста играют слоговой объем колонов-синтагм и акцентная структура межфразовых и внутрифразовых зачинов и окончаний[22].

---

[21] *Гаспаров М.* Колон // Словарь литературоведческих терминов. — М., 1974. — С. 139—140, 352.

[22] *Гиршман М.М., Орлов Е.Н.* Проблемы изучения ритма художественной прозы // Русская литература. — 1972. — № 2. — С. 110.

..А в той церкви — золотой престол,
а на престоле сидит Матушка Пресвятая Богородица,
скорбям помощница, теплая заступница.
(№ 355)

В трех колонах-синтагмах нет даже приблизительного слогового соответствия (9-19-13), тем не менее, в интонационно-ритмическом ряде они равнозначны и вместе составляют более крупную ритмическую единицу — период, длинный колон. Ритм заговора создается за счет повторения аналогичных или близких друг другу колонов-синтагм[23]. Сцепление первого и второго колона обеспечивает единоначатие (анафора), второго и третьего — рифма.

Членение текста на более или менее соразмерные отрезки может определяться как содержанием, так и эмоциональным строем заклинания. Последний обусловлен целенаправленностью заговора, характером обрядового действа, местом и временем совершения обряда, психическим складом заклинателя и его подопечного. Описательные прологи к магическому действу являются по сути своей словесной обрядностью, прямо не выражают чувств и переживаний. Отсюда идет спокойствие, широта дыхания.

Матушка Водица-царица, дочь семнадцатого марта! (17 слогов)
С крутых гор катилась по лугам и долинам. (13 слогов)

Это — фон, прелюдия всплеска эмоций, связанных с неудачами на промысле, со стремлением поставить себе на службу магию слова.

О матушка Водица! (7 слогов)
Унеси ты мой нефарт (7 слогов)
вниз по течению до самого синего моря, (15 слогов)
в самую морскую глубину, (8 слогов)
чтобы оно там потонуло (9 слогов)
и ко мне не вернулось. (7 слогов)
(№ 357)

Происходит резкая смена ритмического рисунка. Ритмическая вариативность внутри одного текста, обусловленная содержанием его частей и эмоциональным строем, встречается и в земледельческих заговорах:

Полевые черви, — в поле,
земляные, — в землю,
водяные черви, — в воду.
(№ 378)

Н.В. Черемисина раскрыла зависимость синтагмы как ритмико-мелодической единицы от интонационного строя художественной речи[24]. Эта

---

[23] *Лазутин* С.Г. Поэтика русского фольклора. — М., 1989. — С. 152.

[24] *Черемисина* Н.В. Ритм и интонация в художественной речи. — М., 1971.

закономерность последовательно проявляется в заговорах. В синтаксическом построении наблюдается парность синтагм, обусловленная в речи интонацией:

...ездит по лесам / и по чащам,
по заломам / и по выскарям
и загоняет зайца / белого и серого,
и широколапого, / и широкозадого
на свои дорожки / и на свои тропинки.
Бежали бы зайцы / белые и серые
по моим ловушкам / и моим пáстушкам,
не оглядывались, / не отворачивались
и не отпячивались / во веки веков.
(№ 358)

Всего одно слово "аминь" отделяет данную часть текста от его второй части. Но там уже иная интонация, иная ритмическая организация. Предопределенный магической силой слова бег зайцев в охотничьи ловушки уподобляется стремительному течению воды, неотвратимости ее движения. Уподобление рождает зрительные и эмоциональные ассоциации, а следовательно, определяет интонацию и ритмику.

Как реки и истоки / мелки урочища / бегут-избегают,
так бежали бы зайцы / белые и серые...
(№ 358)

На колоны-синтагмы в речевом потоке часто указывает анафора:

...Кажутся друг другу
хуже льва-зверя,
хуже белого медведя,
хуже лягушки болотной,
хуже змеи подколодной...
(№ 515)

В заговорах преобладает анафора, основанная на повторе предлогов:

...с золотого престола
с золотым блюдом,
с золотыми ножницами.
(№ 569)

...от всякой порчи,
от всякого ворога, от супостата,
от всякого злого человека,
от тящищаго этого ярого ногтя,
от всех двенадцати ногтей:
от глазного, ноздревого...
(№ 411)

Во многих заговорах колоны связаны между собой не только анафорой, но и конечным созвучием:

...почешный нокоть,
и подпочешный нокоть,
и жировой нокоть,

и костишный нокоть,
и селезеночный нокоть,
и подселезеночный нокоть...
(№ 403)

Когда ритмическое начало в прозаическом произведении "проявляется особенно сильно, прозаическая речь может перейти в стихотворную. Возникает фразовик — свободный нерифмованный стих, в котором одна строка от другой отделяется только паузой"[25].

Лишай, лишай,
иди к свиньям!
Свинья — не мать:
молока не дает.
Чтоб ты пропал!
(№ 667)

Фразовик определяет ритмическую структуру нескольких десятков произведений данного сборника. Чаще всего он выступает в сочетании с другими формами организации художественного текста и занимает промежуточное положение между ритмической прозой, с одной стороны, тоническим и силлабо-тоническим стихом — с другой. Силлабо-тоника — не частое явление в заговорах, редко выдерживается во всем произведении:

...стань, конь, не карь,
стань, кровь, не кань!
(№ 615)

...Кровь-кровица,
красная девица...
(№ 613)

Никодимова порода,
не ходи моей дорогой.
(№ 400)

Более зрима роль тонического стихосложения. Наиболее ярко проявляется она при использовании синтаксического параллелизма:

...от злых людей,
от худой напасти,
от злого врага,
ото всякого супостата,
от пули, от меча,
от вострого ножа,
от булатной копи,
от лесного блужденья...
(№ 572)

Месяц — на небе,
волк — в лесу,

---

[25] *Лазутин С.Г.* Поэтика русского фольклора... — С. 156.

щука — в море,
мертвец — в гробу.
(№ 633)

Иногда фразовик плавно переходит в тонический стих и — видимо под влиянием раешника — обретает смежную рифму:

...и жгут они, пожигают
всех колдунов и колдуниц,
еретиков и еретиц,
зверей и звериц,
змеев и змеиц,
волков и волчиц...
(№ 404)

Раешный стих со свободным расположением ударений и различным количеством слогов, основанный на рифмовке смежных строк — исконно фольклорный стих и ближе других форм организации стихотворного текста к прозе. Тем не менее, в заговорах роль его не является стилеобразующей, лишь немногие заговорные формулы, чаще всего предельно краткие и сравнительно позднего происхождения, целиком основаны на раешнике:

Как мертвец мертвый лежит,
полотном белым покрыт,
зла он не думает,
лиха не сотворяет,
глаза не открывает,
рот не разевает...
(№ 369)

Расти, мой лук, с бычий глаз,
с конский хвост,
чтобы лук рос.
(№ 379)

В то же время раешник в малых отрезках текста находится в большей части заговорных формул:

На море на океане,
на острове Буяне...
(№ 419)

...Будем дружно жить,
друг к дружке ходить
и друг дружку любить.
(№ 449)

...Мать моя озорница,
будь ты мне родная сестрица.
. . . . . .
Я змеею обернусь,
я врага своего не боюсь.
(№ 470)

Видимо, рифма сравнительно поздно пришла в русский фольклор и не успела оказать определяющего влияния на консервативную поэтику заговорных формул. В заговорах, обращенных к сверхъестественным силам, важно было точное определение адреса и цели просьбы-требования. Внимание фокусировалось на главном. Его воздействие усиливалось с помощью синтаксического параллелизма. "Сглазам-урокам" повелевали:

С гор пришли — на гору пойдите,
с лесу пришли — на лесы пойдите,
с грязи пришли — на грязь пойдите,
с рек пришли — на реки пойдите...
(№ 417)

То есть просят болезни удалиться в те места, откуда они пришли.

Иная организация у заговоров, расчитанных на непосредственное воздействие на человека, на его психику. Доминирующие функции — психотерапевтическая, гипнотическая (они не всегда выступают в единстве, например, в любовных заговорах). Гипнотическая функция преобладает в целительных и охранительных (от сглаза, урока) заговорах.

Гипнозом по физиологической теории принято считать специфическое состояние центральной нервной системы — "частичный сон" (И.П. Павлов, К.И. Плетнев). Погружению человека в гипнотическое состояние в народном врачевании способствовали вспомогательные ритуалы колдовства (снятие поясов, нательного креста, обрызгивание водой и пр.), время (полночь, молодик-месяц, утренняя заря и др.) и место (развилка дорог, баня, куриный насест и т.д.) совершения обряда. Почти все колдовские ритуалы и аксессуары несут отрицательную символическую нагрузку и вызывают волнение, тревогу, страх, неуверенность в собственных силах. Парализуется воля прибегшего к помощи ведуна-знахаря, он ищет опору вне себя и идет за заклинателем. Нередко при этом стираются границы между реальным и иллюзорными мирами, реальным и художественным пространством и временем. Ведомый попадает под власть ритма. А.А. Блок писал: "Ритмическое заклинание гипнотизирует, внушает, принуждает"[26].

Вероятно, гипнотическая сила заговоров основана на повторах стихов-строк, однотипных словосочетаний, слов, начальных, внутрифразовых и конечных созвучиях:

...с его тела, с его крови,
с его легкой печени,
с его ретивого сердца,
с его семидесяти семи жил,
с его семидесяти семи суставов...
(№ 724)

---

[26] *Блок А.А.* Собр. соч. — Т. 5. — С. 53.

...от трясовицы,
от камочки,
от свербёжа,
от стрельбы,
от огневицы,
от ломоты,
от колотья,
от дерганья,
от морганья,
от слепоты,
от глухоты,
от черной немочи.
(№ 726)

Гипнотизация предполагает воздействие на гипнотизируемого "монотонных и ритмических" внешних раздражителей (звуковых, зрительных, тактильных и др.). Ритуальные танцы, ритмические звуки музыкальных инструментов (бой барабанов, бубны) и монотонное хоровое пение в ряде культур являются средством гипнотизации[27]. Подобные средства призваны воздействовать на многих людей, на толпу. При работе с одним человеком и тайно (в русской традиции, за редким исключением, эти условия соблюдались) они неприемлемы. Более действенным является речитатив заклинателя, звучащая речь, разбитая на множество повторяющихся ритмически соразмерных ее частей.

Окончания многих смежных ритмических единиц связаны созвучиями (рифма, ассонанс, консонанс), но более последовательно применяется анафора. Она часто бывает сквозной и глубокой, что дает основания говорить о начальной рифме (единоначатии) как о распространенном приеме поэтизации древнейших текстов. В большей или меньшей степени это характерно для большинства целительных, охранительных и любовных заговоров, что свидетельствует об анафоризации как о существенном признаке заговоров.

В.П. Аникин пишет, что "ритмическая организация заговорных формул" обнаруживает "близость к песенным заклинаниям". От них он и ведет "собственно заговоры — в своем позднем состоянии жанр словесного, а не песенного творчества"[28]. С этим положением трудно согласиться. Анализ заговоров Сибири и Дальнего Востока позволяет подтвердить мировоззренческое единство заговоров и заклинательных песенных формул земледельческого календаря, но не ритмическое. Наиболее древние заговорные формулы по ритмической организации — проза, более поздний пласт с развитой художественной структурой имеет близкую к стихотворной или стихотворную организацию текстов, соот-

---

[27]См.: *Краткий* психологический словарь. — М., 1985. — С. 65.

[28]*Аникин В.П.* Русский фольклор. — С. 95.

ветственно и сближение данных заговоров по ритмике с песнями более правомерно. В некоторых текстах ясно проступает музыкальная стихия заговоров. Прежде всего она проявляется в "сгущенности" многообразных повторов: анафора, конечная и внутрифразовая рифма, синтаксический параллелизм, повтор однородных слов, аллитерация. Это можно показать на одном примере:

...и мужичий, и бабий,
и ребячий, и девчачий,
и лошачий, и собачий,
и гусиный, и утиный,
и скотский.
(№ 591)

Д.С. Лихачев писал, что "развитие представлений о времени — одно из самых важных достижений новой литературы"[29]. Художественное время — это не взгляд на проблему времени, а само время, как оно воспроизводится и изображается в художественном произведении. Исследования этого художественного времени в произведениях "имеет наибольшее значение для понимания эстетической природы словесного искусства"[30]. Все это в полной мере относится к заговорам как жанру народного поэтического творчества.

Художественное время заговоров замкнуто, оно, как и в лирике, "заключено в сюжете и сюжетом исчерпывается"[31]. У него нет выхода на историческое и астрономическое время. Есть настоящее время — оно совпадает со временем исполнения заговора. И есть время условное, ирреальное, несущее магическую и художественные функции, иллюзионистическое, по терминологии Д.С. Лихачева[32]. Заклинатель (знахарь, знахарка, ведун) и его подопечный одновременно находятся как бы в двух временных пластах: в настоящем исполнительском и иллюзорном времени. Временные миры могут существовать параллельно и независимо один от другого, а могут перетекать один в другой, сливаться.

Спаси, Господи, помилуй
от скорби, от болезни...
(№ 403)

Время настоящее, время исполнителя и художественное время (магическая охранительная формула) слитны. И тут же:

---

[29] *Лихачев* Д.С. Поэтика древнерусской литературы. — М., 1979. — С. 209.
[30] Там же. — С. 210.
[31] Там же. — С. 223.
[32] Там же. — С. 215.

Ляжу я, помолясь,
встану, перекрестясь,
пойду из дверей в двери,
из ворот в ворота.
(№ 403)

Течение времени событийное, сюжетное. Грамматическое время — будущее, но не реальное, а иллюзорное: указанные действия на самом деле не совершаются и совершаться не будут, хотя не исключено, что когда-то совершались. Их эквивалентом выступает **слово**. Иллюзорный мир творится словом и существует только в слове. Но он для исполнителей — реальность, воплощающая магическую сущность произведения:

Едет Егорий Храбрый
на своем белом коне.
(№ 403)

Изобразительный ряд подобен сценическому и, как правило, определяет развитие сюжета через монолог или диалог. Перед нами — игра, драматизированное воплощение иллюзорного мира в слове-действе.

В древности люди воспринимали прежде всего событийность и вели отсчет времени по событиям. Это нашло отражение в древних хронографах, летописях. Через событийность постигалось течение времени и в заговорах:

Круг его бейся, вейся,
скинь с него белую рубаху,
зайди в белое тело,
в легко, в печень,
в кровь горячу,
во весь стан!
(№ 486)

На чистом поле
есть батюшка Огненный Змей.
Жжет-палит траву-мураву,
лес дремучий,
болота зыбучи.
Подойду я, раба (*имярек*),
к нему поближе,
поклонюсь пониже...
(№ 487)

Длительность времени может выражаться через преодоление необъятного, обычно равного "белому свету", планетарного пространства. Буйным ветрам поручается, например, работа:

...ступайте, полетайте
по свету по белому:
по горам, по долам,
по темным лесам,
по крутым берегам;
по быстрым рекам...
(№ 500)

...По всем городам,
по всем деревням,
по всем острогам-тюрьмам,
по всем богодельным домам.
(№ 501)

Это одна из наиболее распространенных форм отражения художественного времени: через беспредельность пространства выражается бесконечность временно́го потока. Нередко для выражения представлений о бесконечности времени используются несоизмеримые между собой временны́е отрезки. Вечное "замыкание" уст супостата совершается так:

...по всякий день, по всякий час:
поутру рано, ввечеру поздно,
в младе месяце, в полне и в ущербе,
на веке, в перекрое,
в час, получас, в четвертьминуте,
во веки веков. Аминь.
(№ 529)

Чаще всего в заговорах художественное время так или иначе соотносится со временем исполнения произведения:

Зорочка утренняя, зорочка вечерняя,
зорочка полуденная,
часты звездочки, лунная ноченька
меряют-равняют раба Божия...
(№ 580)

Заря олицетворяет всесильную и разумную стихию. К ней обращаются с теми же требованиями, с которыми в других произведениях — к Пресвятой Богородице, архангелам, святым:

Заря ты моя зарница, красная девица!
Сними с раба Божьего (*имярек*)
страх-переполох, дикий рев...
(№ 581)

Заря может принимать антропоморфные черты (красная девица), с нею можно договориться, как с человеком:

Заря-зарница, красная девица!
Что в подоле, то мое,
что с подола, то твое.
(№ 582; см. вар.: 595, 599, 625, 636, 639 и др.)

Видимо, от частого обращения к ней заря полностью очеловечивается и получает собственное имя, точнее имена:

Утренна заря Мария,
Вячёрна — Ульянита,
полуденна — Маремьяна!
(№ 560; вар.: 597, 600 и др.)

При всем при том заря в любом облике, с любым именем не теряет связи с временны́м потоком, остается образным воплощением строго определенной временно́й единицы, отрезка времени (заря утренняя, вечерняя...). Иногда обретает свето-временные признаки:

Вечерняя заря потухается,
У раба (*имярек*) крик унимается!
(№ 590)

Устойчивая формула временной закрепки (в нескольких вариантах) применяется в сотнях заговоров:

Век и навеки,
отныне и до века!
(№ 513)

Век по веки, отныне и до века!
(№ 515)

Художественная и магическая функции неоспоримы. Более того, через художественную образность и вызываемое ею эстетическое чувство усиливается гипнотическое воздействие заговоров.

Не менее значительна роль художественного пространства. Оно включает реалии повседневного быта: двери, ворота, чистое поле, дорогу, лес, ружье, па́стушки-ловушки и пр. — и одновременно сверхъестественный мир с мо́рем-океаном и островом Буяном, золотой церковью, престолом Пресвятой Богородицы, Иисуса Христа и местами обитания нечисти и нежити. Пространство может обретать образно-зрительные черты, когда, например, дыму дымовому поручается разыскать раба Божьего

в чистом поле
под березой,
в заулочке,
переулочке,
во веселой горенке,
за дубовыми столами...
(№ 486)

Оно может предстать в пейзажно-панорамном виде. Буйным ветрам поручается перегнать воду из ручьев в реки, из рек — в моря-океаны. Или просят унести тоску-сухоту за непреодолимые препятствия:

...понесите ее через бора — не потеряйте,
через пороги — не уроните,
через моря и реки — не утопите...
(№ 489)

Магическая сила заговора всесокрушающая, но, видимо, от нее можно укрыться. Чтобы исключить такую возможность, поручается "сверхсилам" найти "повинного"

...на суде, на брани,
на бою, на браке,
в пиру, в беседе,
на море, на реках,
на пути, на дороге,
на распутьях, на перекрестках
и на всяком месте:
у царей, у князей,
у бояр, у вельмож...
(№ 529)

Целенаправленное воздействие заговора методом исключения далеко отстоящих одно от другого и по-разному организованных пространств не оставляет места для укрытия. Пространственный ряд является метонимическим образом "света белого" — всей земли. Но "белый свет" как пространственное определение чаще всего выступает самостоятельно. В таком случае оно беспредельно:

...от востока до запада,
от севера и до моря,
оттоле и до небес...
(№ 529)

В данном случае пространство не просто видимое до горизонта-окоема, а беспредельное и символическое. Восток символизирует начало жизни, прозрение, счастье, запад — невзгоды, закат жизни, переход в иной мир, юг (полдень) — радость, полноту жизни. Южная сторона в сознании праславян географически ассоциировалась с Черным, Азовским и Хвалынским морями, потому, видимо, море часто выступает синонимом юга. Пространственные сопоставления строятся на основе антитезы (восток — запад, север — юг). Море и земля соотносятся с небом как верх и низ — тот же принцип антитезы.

Небо может выступать как реальное пространство (оградительный тын железный ставится от моря (земли) до неба) и как космическая реальность иллюзорного явления.

Оболокусь походячим оболоком,
опояшусь белой зарей,
обтычусь частыми звездами —
часты звезды по косицам.
. . . . . .
Кто может месяц снять...
кто может красное солнце переглядеть...
(№ 523)

...Оболокусь я облаками,
подпояшусь красною зарею,
огорожусь светлым месяцом,
обтычусь частыми звездами,
освечусь я красным солнышком.
(№ 525)

Художественное пространство заговоров имеет три основные разновидности: 1) реально-бытовое, 2) планетарное — "белый свет", 3) космическое — вся Вселенная. Пространство может быть по отношению к человеку дружественным или враждебным. Дружественное выполняет оградительно-охранительные функции. Оно может быть беспредельно великим (от востока до запада, от севера до моря, оттоле до небес) и, тем не менее, огражденным магическим кругом, например, тыном железным, забором булатным. Таким образом, вся Вселенная оказывается враждебной. Но не сама по себе, а потому, что населена враждебными человеку силами. Тын железный, забор булатный ставятся для того, чтобы оградить человека

от колдуна и от колдуницы,
от ведуна и ведуницы,
от чернеца и черницы,
от вдовы и от вдовицы,
от черного, от белого
и от русого;
от двоезубого и троезубого,
от одноглазого и красноглазого,
от косого, от слепого...
(№ 529)

Для образного ряда, как и для художественного пространства, характерна всеохватность. Она достигается за счет всех открыто враждебных человеку образов (колдуны, ведуны), носителей дефекта-уродства, являющегося, по народным поверьям, внешним выражением зла; образов людей, обязанных по религиозному или общественному установлению носить черные одежды, символизирующие скорбь, отказ от мирских удовольствий, — встреча с ними могла быть опасной, предвещать беду. Та же символическая нагрузка у черного и белого. Несколько выбивается из этого ряда русый, видимо, привнесенный в произведение в силу закона троичности. Магический круг, тын железный, забор булатный символизируют обрядово-магическое ограждение человека от враждебных ему сил, ограждается иллюзорное пространство.

Оградительные функции, по народным поверьям, имеют и реальные пространства — дом, двор, поскотина. Это пространство ограничено забором, оградой — аналогами магического круга ("ограда" — от "ограждать") и оберегается Богом (образа-иконы, кресты), духами предков (домовой, дворовик). Заговоры сами по себе для христиан — не богоугодное деяние. Поэтому, приступая к обряду заговаривания, люди снимали с себя обереги — нательные кресты, опояски и др. Но оставалось оберегаемое пространство. Чтобы заговор был неотвратимым, необходимо преодолеть это пространство, выйти из-под его влияния, его силы. Это достигается средствами словесно-магического обряда:

...пойду, перекрестясь,
из дверей во двери,
из ворот в ворота,
в чистое поле,
в широкое раздолье...
(№ 485)

...Пойду, перекрестясь,
из дверей в двери,
из сеней в сени,
из ворот в ворота...
(№ 702)

Во вредоносных заговорах сохраняется та же обрядность символического преодоления охранительного пространства, но с обратным знаком: "встаю, не молясь, ухожу, не крестясь" (№ 514).

Без изучения художественной функциональности ритма, пространства и времени невозможно постижение художественного стиля русских заговоров.

Настоящий свод русских заговоров Сибири и Дальнего Востока представляет только лучшие в художественном отношении тексты ("золото подлинной поэзии").

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОВОРОВ В СИБИРИ

По народным представлениям, как уже было отмечено, заговор, в котором по ошибке или преднамеренно что-то изменено, теряет свою магическую силу. Отсюда бережное отношение к тексту и неприятие нововведений. Заговоры русского населения Сибири имеют общерусскую основу и демонстрируют сохранность ее архаичных форм.

С принятием христианства на Руси произошли не только мировоззренческие, идеологические перемены, христианизации подвергся повседневный быт славянина. Например, стало общепринятой нормой, обычаем любое важное дело (пахота, сев, закладка дома, семейная трапеза и пр.) начинать, осенив себя крестом и прочитав соответствующую молитву. В подавляющем большинстве случаев заговор — дело исключительной важности. Его начало сопровождалось христианским оберегом:

Встану, помолясь,
выйду, перекрестясь...

Это — часть словесной обрядности, выполняющая функцию зачина заговора. Данная формула в качестве зачина применяется в большинстве заговоров, а потому, как и любой словесный штамп, стерлась, утратила сакральность и не может рассматриваться как проводник христианского миропонимания. Другое дело, когда христианские образы (Иисус Христос, Пресвятая Богородица, ангелы, архангелы, апостолы Христа, святые подвижники и пр.), христианская книжная лексика и

стилистика входят в ткань основного текста заговорных формул, тесня или заменяя исконно языческое. Это явление общерусское. Интересны локальные результаты этого процесса.

Образное, лексическое и стилистическое влияние христианства особенно зримо в семи из 13 охотничьих заговоров (№ 355, 356, 358, 359, 361, 362, 368). На три текста (№ 363—365) не могло распространиться христианское влияние — они вредоносные (порча ружья). Архаичная основа наиболее четко проявляется только в трех заговорах: в одном из них удачную охоту обеспечивает "матушка Водица-царица" (№ 357), в другом — "батюшка Ужур-речка" смывает порчу с ружья (№ 367), в третьем идет прямое заклятие птиц и зверей (№ 360). Но заметим, что охота с ружьем — явление, вошедшее в быт не ранее XVI в., т.е. в период устоявшегося на Руси христианства.

Культура земледелия славян уходит в глубь тысячелетий. Из 25 заговоров на посев, урожай, охрану злаков и овощей только в четырех (№ 376, 382, 387, 398) доминируют христианские силы. Сохранились следы двоеверия: в одной краткой формуле присутствуют Царь Огонь, Царица Искра и Господь, царь Давид. Функция последних — укротить разрушительную силу первых: "разлучить хлеб с дымом" (№ 398).

Весьма своеобразно сочетание языческих и христианских элементов в скотоводческих заговорах. В них носителями магической силы являются Господь (№ 402, 421, 422), Иисус Христос (№ 405, 412), Пресвятая Богородица (№ 418, 419, 422), Святая Троица (№ 411, 413), сила небесная (№ 404), и тут же — матушка-суседушка (№ 399), Абака-зверь (№ 410), матушка Колода-рыба (№ 407), христианские аналоги Волоса — скотьего бога — Егорий Храбрый, Лавр, Власий, Микола Милостивый (№ 400—403, 411, 413). Это наиболее зримый показатель сплавления в народном сознании языческого и христианского. Иногда такое сочетание характерно для одной весьма короткой формулы:

— Батюшко Царь Огонь,
матушка Царица Искра,
матушка Влася, Федося..
(№ 416)

(Влася — женская форма от Власия, Федося — от Федосия).

Языческая стихия преобладает в охранительных заговорах от змеи и дикого зверя. Появление христианских мотивов в них крайне редко (№ 440, 444) и носит более ритуальный характер. В охранительных же заговорах перед дорогой, от воров доминируют христианские мотивы (№ 450, 455—457, 459—463, 467—468, 471—472), как и в заговорах от всяких напастей (№ 473—477, 479, 485): в первом случае в 13 из 21, во втором — в 7 из 13 текстов. В присушках преобладает языческая стихия. Это Змей-Огнет, Огненный Змей, Царь Огонь — (№ 487, 490), образы, олицетворяющие природные стихии, — буен ветер, четыре, семь, двенадцать, тридцать три, семьдесят семь ветров, вихорей, братьев (№ 489, 494,

496, 499, 500—502). Нередко в контексте проявляются антропоморфные черты этих персонажей. Их называют по имени-отчеству — Вихорь Вихоревич (№ 497), братьями (№ 495, 502), им поручается выполнять задания, посильные только могущественным духам. Тогда они теряют признаки стихий. Только одна присушка включает библейские имена Исаака, Марка, Абрама, Иакова, но и то для наименования буйных ветров (№ 512). Видимо, в народном сознании насылаемая на людей без их на то воли любовь-болезнь осознавалась как антипод христианской сакральности. Не обнаружено за пределами ритуально-словесного крещения-благословения христианских образов и мотивов в отсушках (№ 513—522).

В свадебных и социальной направленности заговорах определяющими являются христианские нравственные ориентиры. Для целительных — характерно почти то же соотношение христианских и языческих мотивов. Иными словами, в период устоявшегося христианства религия оказала сильное влияние на содержание и художественную форму заговоров — наиболее консервативных из всех жанров фольклора. В Сибири, по нашим подсчетам, это влияние испытали лишь около 30 % заговоров данной группы. Видимо, сказалось влияние традиционно сильного в Сибири старообрядчества.

Отдельные группы русских заговоров претерпели в Сибири некоторые изменения. В сибирских заговорах находим вкрапления в их смысловую и образную структуру, в словесную ткань местных особенностей: сибирские гидронимы и топонимы, указание на местные промыслы и способы ловли зверей, отражение представлений аборигенов о хозяевах местности, духах гор и т.д., персонажей, характерных для Сибири.

Обычно в фольклор новопоселенцев иноэтнические заимствования легче всего проникают через топонимику. В Сибири это характерно для преданий, сказок, шуточных и хороводных песен. В заговорах также находим локализмы: названия сибирских рек — Амур (№ 518), Ужурречка (№ 367), Ангара (№ 482), Межовка (№ 588), матушка инская водица (Иня)(№ 563). Вероятно, тем самым заговору придавалась большая весомость, действенность, достоверность, словесная убедительность и сила в близкой к названному гидрониму местности.

Встречаются в заговорных текстах местные названия насекомых, птиц, растений, зверей, болезней и пр.

Сибирская специфика проявляется и на репертуарном уровне. В тех местах, где охота, рыболовство были жизнеобеспечивающим занятием, широкое распространение получили охотничьи, рыбацкие и охранительные, охранно-продуцирующие заговоры.

Русские принесли в Сибирь огнестрельное оружие и опыт ружейной охоты. Поэтому и основные охотничьи заговоры связаны с оружием и боеприпасами (№ 355—357, 359—367). Из 15 охотничьих заговоров не

говорится об охоте с ружьем только в двух (№ 358, 368). В них речь идет о древних орудиях лова (ловушках, па́стушках, поставушках).

В присушке (№ 501) встречаем выражение "остроги-тюрьмы". Остроги — характерные военно-бытовые укрепления, построенные русскими при первоначальном приобретении сибирских земель.

В ряде любовных заговоров отражены некоторые черты быта русского старожильческого населения Сибири, отмечен сибирский обычай *жевать серу (смолу лиственницы и хвойных деревьев)*: "*жвакой-серой* не зажевывал" (№ 487).

Ярким и своеобразным примером заимствования верований местного населения являются промысловые обряды искателей женьшеня. Русские промысловики-корневщики заимствовали в связи с поисками "корня жизни" и заговоры коренного дальневосточного населения, поэтично переведя эти заклинания-просьбы на русский язык (см. № 429—430). Причем "незримый царь местных растений" — женьшень назван Панцуем. Иносказание одушевляло растение, выражало почтение к нему. Это должно было обеспечить удачу. Было поверье, что удача дается только людям с чистым сердцем и чистыми руками, незапятнанными ничем худым.

Русские первопоселенцы перенимали от аборигенов края некоторые мифологические представления, о чем достаточно сказано в сибиреведческой литературе. Хотя и в меньшей мере, но это влияние коснулось и заговоров. В некоторые традиционные русские заговоры введены вредоносные образы служителей языческих культов:

..от колдуна, от колдуницы,
от еретика и еретицы,
от инородных шаман и шаманок..
(№ 355)

В одном из земледельческих заговоров находим образ татарина-богатыря. Этот образ мог возникнуть в Поволжье, Приуралье и Зауралье — в любом месте близ татарских поселений. Но его сибирская специфика подтверждается ярко выраженным сибирским чоканьем:

Татарин-богатырь!
Чо я к тебе прибегаю,
и чо я тебя прошу,
и чо тебе говорю..
(№ 389)

* * *

Мы благодарим всех, кто принял участие в выявлении и сборе заго́воров Сибири и поделился своими материалами с составителями тома. Это прежде всего фольклористы Т.Г. Леонова (Омск), Р.П. Матвеева (Улан-Удэ), Н.А. Новосёлова (Красноярск), Л.М. Свиридова (Владивосток), музыковед Л.А. Мухомедшина (Иркутск), краевед-любитель И.М. Турбин из г. Белова Кемеровской обл. Мы также глубоко признательны тем, кто поведал нам свои заговоры, и надеемся, что они не "последние из могикан".

Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников

ОБ ИНТОНИРОВАНИИ ЗАГОВОРОВ

Заговоры, будучи проявлением магической деятельности человека, с художественной точки зрения относятся к сфере главным образом словесного творчества. Поэтому музыковедческое осмысление материала заметно уступает филологическому и этнографическому. Тем не менее, отдельные наблюдения, рассуждения и аналитические этюды музыковедов постепенно формируют вполне определенные научные положения. Одно из них — о связи заговоров (наряду с игровыми жанрами детского фольклора и сказками) с формами фольклорного произношения, занимающими "позицию на грани между речью и музыкой"[1]. "...Сказовая речь является, по существу, глубоко напевной, организованной, строго говоря, по тем же вполне музыкальным, хотя и вольно трактуемым законам"[2]. Впрочем, звуковысотные и метроритмические особенности "единого песенно-речевого жанра" автор рассматривает на примере детского полуречевого пения.

Положение, сформулированное Э.Е. Алексеевым, получает интересное, обобщающее и развивающее подтверждение в исследовании И. Рюйтел. Заговоры и заклинания относятся ею к древним, доруническим вокальным формам, в которых "нередко сочетаются разные виды исполнения — речитация, ритмическое скандирование, восклицательные интонации, говор"[3]. В эстонском фольклоре выделяются заговоры в форме прозы или пословицы, в песенной форме, однако во всех случаях речевой тип интонирования преобладает над проявлениями мелодизированной речи[4].

---

[1] *Алексеев* Э.Е. Раннефольклорное интонирование: Звуковысотный аспект. — М., 1986. — С. 145.

[2] *Там же.* — С. 148.

[3] *Рюйтел* И. Исторические пласты эстонской народной песни в контексте этнических отношений. — Таллинн, 1994. — С. 9, 11.

[4] *Там же.* — С. 19.

Специальное музыковедческое исследование посвящено алтайским скотоводческим заговорам. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что речь идет о сольных мелодических речитациях[5], т.е. о вокально-интонируемых заговорах, являющихся неотъемлемой частью именно музыкальной культуры алтай-кижи. Традиционная форма интонирования заговоров в культуре алтайцев существенно отличается от песенной традиции импровизационностью, разнообразием мелодических формул, метрической свободой, которая определена метрически ненормированным текстом[6]. В этих характеристиках проступают некоторые жанровые универсалии, объединяющие вокальные заговоры алтайцев с мелодизированно-речевыми формами других народов.

Известно, что для русского фольклора песенная форма заговоров не характерна[7], он ограничивается речевыми возможностями интонирования, диапазон которого простирается от полушепота и скороговорки до повелительно-восклицательных интонаций. Во всех случаях отмечается особый характер произнесения словесного текста, который позволяет рассматривать заговор как форму ритуальной речи. Действительно, заговор нельзя отнести к обиходной, обыденной речи: особая функция жанра сформировала ряд характеристик, отличающих заговорную речь от общепринятой. Центральное место среди этих специфических характеристик принадлежит ритму, что отмечено буквально всеми исследователями жанра. Заговоры — "ритмически организованные произведения формульного характера"[8]. А. Веселовский, говоря о музыкальном элементе древней поэзии, отмечал "любовь к параллельно построенным формулам", поддержанным ударением, "созвучием... рифмой или аллитерацией и содержательно-психологическим параллелизмом членов предложения". "Основы поэтического стиля", по его мнению, заключались "в последовательно проведенном и постоянно действовавшем принципе ритма, упорядочившем психологически образные сопоставления языка"[9]. Далее он указывает на связь ритма с механизмом запоминания словесного материала — ритм хранит поэзию от забвения[10].

"Поэзия заговоров и заклинаний" попала в поле зрения великого поэта Александра Блока. Рассуждая о пользе и красоте, соединяющихся

---

[5]*Кондратьева Н.М., Мазепус В.В.* Скотоводческие заговоры в культуре алтайцев // Altaica. — 1993. — № 3. — С. 41.

[6]*Там же.* — С. 42.

[7]*Петров В.П.* Заговоры (публикация А.Н. Мартыновой) // Из истории русской советской фольклористики. — Л., 1981. — С. 120.

[8]*Восточнославянский* фольклор: Словарь научной и народной терминологии. — Минск, 1993. — С. 78.

[9]*Веселовский А.* Историческая поэтика. — М., 1989. — С. 278.

[10]*Там же.* — С. 296.

в заговорах, он замечает, что "они находятся в единстве и согласии... Сила, устрояющая их согласие, — творческая сила ритма. Она поднимает слово на хребте музыкальной волны, и ритмическое слово заостряется, как стрела, летящая прямо в цель и певучая..." И далее: "Ритмическое заклинание гипнотизирует, внушает, принуждает"[11].

Принимая во внимание значительную роль ритмической организации заговорной речи, отмечая сходство ее с песенными заклинаниями и трудовыми песнями, В. Аникин предполагает, что первоначально заговоры пелись[12]. Во всяком случае следует признать, что ритм, наряду с обилием глагольных форм и периодичностью синтаксических конструкций, выступает в заговорах фактором усиления действенности слова, его активности и эмоциональной напряженности. В сочетании с особенностями тембра, темпа, артикуляции и интонационного содержания ритм способствовал созданию стилевого своеобразия заговоров.

Предлагаемые вниманию читателей наблюдения опираются на изучение сравнительно небольшого материала — немногим более 20 образцов заговоров в звукозаписях, выполненных в Алтайском и Красноярском краях, Забайкалье, Кемеровской, Омской и Новосибирской областях и нотированных автором статьи. Все записи имеют демонстрационный характер, т.е. исполнители произносили текст заговора, рассказывали о его назначении и сопутствующих ему действиях по просьбе собирателей. Известно, что с помощью подобной практики заговоры передавались из поколения в поколение, изустно осваивались, заучивались "с голоса" будущими носителями.

Почти все тексты заговоров записаны от женщин, по назначению преобладают лечебные, любовные и оказиональные (например, "на дорогу"). По форме бытования и структуре они должны быть отнесены к устным сравнительно кратким высказываниям[13].

Все имевшиеся в распоряжении автора статьи сибирские записи заговоров не связаны с песенными или, шире, вокальными формами интонирования, но по организации словесного текста в той или иной степени приближаются к стиховым структурам[14]. Желание отразить в письменной записи заговорного стиха хотя бы некоторые особенности интонирования привело к поиску различных способов фиксации организующих речевое высказывание характеристик. Наиболее важными

---

[11] *Блок* А.А. Поэзия заговоров и заклинаний // Собр. соч.: В 8 т. — М.; Л., 1962. — Т. 5. — С. 52—53.

[12] *Аникин* В.П. Русский фольклор. — М., 1987. — С. 95—96.

[13] Ср.: *Елеонская* Е.Н. К изучению заговора и колдовства в России // Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. — М., 1994. — С. 101; *Власова* З.И. К изучению поэтики устных заговоров // Русская народная проза: Русский фольклор. — Л., 1972. — Т. 13. — С. 194.

[14] *Власова* З.И. К изучению поэтики... — С. 201.

для понимания стиля устного заговора представляются: способы членения текста на строки или заменяющие их построения; приемы организации метроритмической и звуковысотной структуры на протяжении стиховой строки; процессы развития стиховых интонационных структур от начала заговора к его концу и принципы образования целостной композиции.

Способы членения текста частично описаны в научной и учебной литературе. Главным образом речь идет о синтаксических особенностях жанра: сходство синтаксического строя смежных стихов нередко приводит к возникновению парной рифмы особого рода (из слов одной части речи), ритмической и интонационной соразмерности и соизмеримости речевых отрезков. Точное или варьированное повторение — один из наиболее распространенных и действенных факторов членения как поэтических, так и музыкальных структур[15], но далеко не единственный. На самом деле в устной практике способы обозначения окончания стиховой строки более многообразны: пауза (см. пример. 4), ритмическая остановка (см. начальные разделы примеров 2 и 3), интонационное и динамическое "угасание" (см. пример 5). К тому же членит не только повтор, но и контраст, нарушение установившейся нормы (см. контрастное сопоставление хореических и амфибрахических стоп на стыке 5-й и 6-й строк примера 1 или сопоставление зеркально-симметричных ритмоформул в середине текста № 442:

..кочергóй занесý· ∪∪— ∪∪—
Ты, змея пестрая.. —∪∪ —∪∪).

Членящие факторы могут действовать одновременно, параллельно, по-разному комбинируясь, или автономно друг от друга.

Приемы организации стиховой структуры также разнообразны и динамичны. Для их фиксации необходимо, кроме грамматически нормативного противопоставления ударных и безударных слогов, выявить другие оппозиции речевого интонирования. К ним относятся в данном случае оппозиции временны́х, динамических и звуковысотных элементов интонационной структуры.

Временна́я оппозиция включает речевое выделение долгих и кратких элементов (слогов); пропорциональное соотношение их изменчиво и уж во всяком случае лишено строгой кратности: 2:1, 3:1 и пр. Динамическая оппозиция связана с выделением акцентов разной силы, помимо грамматического словесного ударения, стиховых или фразовых ударных позиций, установлением определенных соотношений (иерархии) их между собой и с безударными, безакцентными элементами стиха. Высотная оппозиция демонстрирует закономерности распреде-

---

[15] *Мазель Л.А., Цуккерман В.А.* Анализ музыкальных произведений: Элементы музыки и методика анализа малых форм. — М., 1967. — С. 351.

ления отдельных элементов мелодической структуры в связи с ритмической организацией стиха. Временны́е, динамические и высотные акценты (а также и грамматический) могут действовать параллельно, усиливая друг друга, могут противоречить один другому, а также действовать автономно на разных участках общей структуры. Даже частичная фиксация речевых акцентов способна оживить письменный текст.

Пример 1

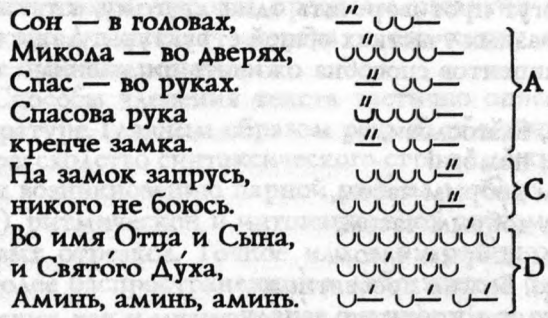
Го́споди Бо́же, блӑго̆сло́ви,
Го́споди Бо́же, по̆мо̆ги!
Пе́рвым ра́зом до́брым ча́сом,
вторым ра́зом до́брым ча́сом,
третьим ра́зом до́брым часом.
Води́ца-цари́ца, Бо́жия просвяти́ца,
уходи́ла в сто̆к со восто́ку и с за́паду,
умыва́ла круты́ береги́,
хребты́ и сыпу́чии пески́,
Сыро́е коре́нье, се́рое каме́нье.
Тӑк й смо̆й с Нӑтӑшй
все суро́ки и вро́ки:
поди́вные,
поте́шные,
посме́шные.
Спереду — стереги́йся,
сзаду — нагоня́йся,
сбоку — загляда́йся
Ключавы́е, игровы́е, мужски́е и же́нские,
от ба́б, от ребя́т, от девок, от девичья сына.
(№ 592)

Записала Н.К. Козлова в 1981 г. в д. Новомалиновке Нижнеомского р-на Омской обл. от М.А. Саластовой 1908 г.р.
Архив ОГПИ, МАГ-11/1981, № 11.

В письменной записи текста омского образца с помощью специальных значков выделяются динамические акценты (ˊ), а также отдельные элементы временно́й оппозиции. Относительно свободная речитативно-декламационная структура заговора характеризуется наличием единой меры ритмического пульса, немногочисленные речевые отклонения от преобладающей слогоритмической единицы отмечены знаками ∪ и - (соответственно более краткие и более долгие элементы ритмической структуры по сравнению с нормативным). Число выделяемых ударных позиций неустойчиво. В первой половине заговора преобладают двухударные (с начальным расположением иктов) и четырехударные, периодично и апериодично сегментированные стиховые структуры. К концу заговора ударная позиция перемещается к окончанию стиховой строки. В предпоследнем стихе восстанавливается четырехударная

структура, которая трансформируется (соединение динамических и временных акцентов) и распадается к концу последнего стиха.

Пример 2

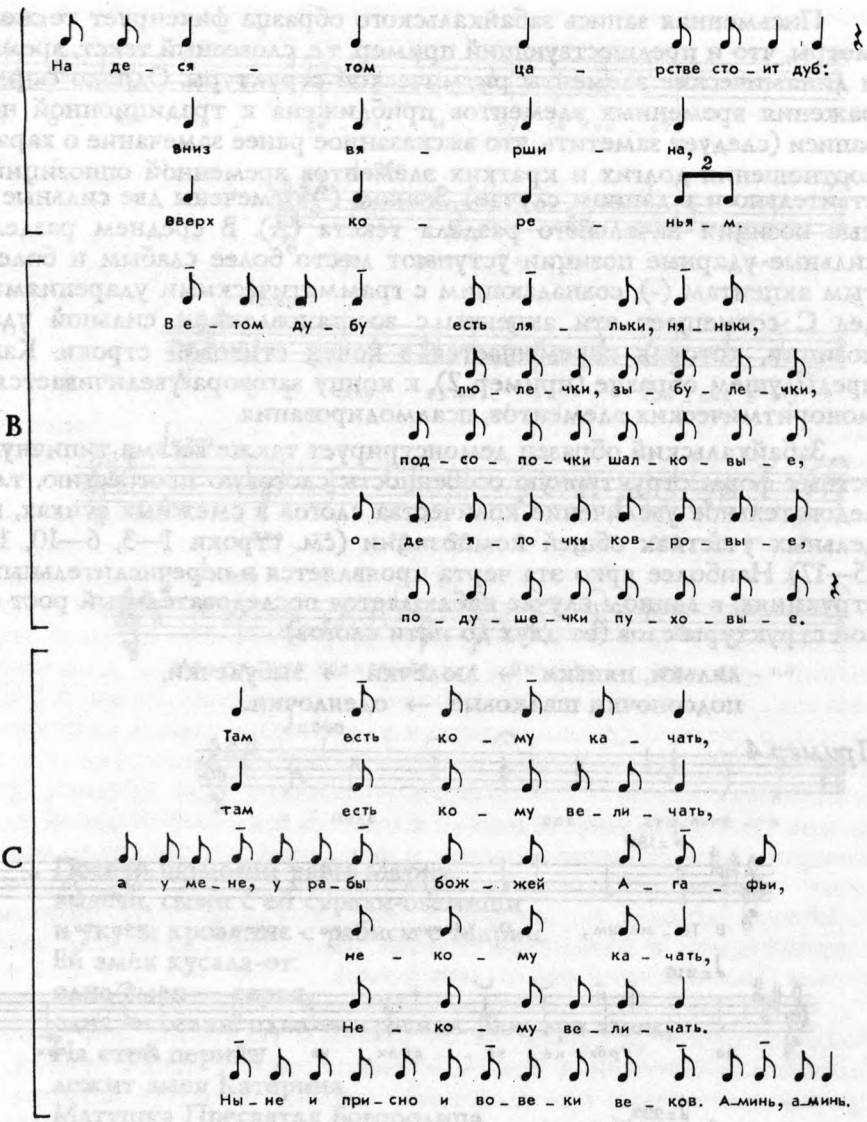
Молитва, читаемая перед сном.
Записана В.В. Асановым в 1985 г. в с. Лебяжье-Асаново Юргинского р-на Кемеровской обл. от А.А. Ипихиной 1921 г.р.
Архив традиционной музыки НГК, кол. 20, МК5, № 16.
Грампластинка, № 20.

Ритмодинамическая структура кемеровского образца несколько сложнее, чем в первом случае, поэтому ее условная схема не налагается на словесный текст, а приводится параллельно с ним. Схема фиксирует расположение коротких и долгих элементов ритмической структуры; наличие разных по силе и местоположению динамических акцентов, а также соотношение их с элементами временно́й оппозиции (в данном случае бинарной).

Очень короткие, от четырех до восьми слогов, стиховые строки организуются одним основным ударением. Ударная позиция в пяти начальных строках располагается в начале стиха (А), в следующих двух стихах перемещается в конец строки (С). В восьмой и девятой строках отмечается ослабление ударной позиции и одновременно исчезновение временно́й оппозиции (моноритмическое и монотонное псалмодирование). В последней строке, зааминивании, временна́я оппозиция восстанавливается, но увеличение числа и выравнивание (усреднение) силы ударных позиций, а также значительное замедление темпа (см. третий столбец с указанием слоговой протяженности и времени звучания стиховых строк) окончательно преодолевает динамичность начальных разделов.

Пример 3

Заговор от плача. "Три зари, на любую можно читать. В подоле ребенка покачаешь и прочитаешь".

Записали Ф.Ф. Болонев , Н.В. Леонова и М.Л. Дидык (звукорежиссер) в 1988 г. в с. Большой Куналей Тарбагатайского р-на Бурятской АССР от А.С. Родионовой 1919 г.р., местной.
Архив традиционной музыки НГК, кол. 28/6, № 2035.
Грампластинка, № 17.

Письменная запись забайкальского образца фиксирует те же параметры, что и предшествующий пример, т.е. словесный текст, временные и динамические элементы ритмической структуры. Однако форма выражения временных элементов приближена к традиционной нотной записи (следует заметить, что высказанное ранее замечание о характере соотношения долгих и кратких элементов временной оппозиции действительно и в данном случае). Знаком (′) отмечены две сильные ударные позиции начального раздела текста (А). В среднем разделе (В) сильные ударные позиции уступают место более слабым и более частым акцентам (-), совпадающим с грамматическими ударениями. Раздел С совмещает эти акценты с восстановлением сильной ударной позиции, которая перемещается в конец стиховой строки. Как и в предыдущем образце (пример 2), к концу заговора увеличивается доля моноритмических элементов, псалмодирования.

Забайкальский образец демонстрирует также весьма типичную для устных форм структурную особенность: слоговую прогрессию, т.е. последовательное увеличение количества слогов в смежных стихах, на отдельных участках общей композиции (см. строки 1—3, 6—10, 12—14, 15—17). Наиболее ярко эта черта проявляется в перечислительных конструкциях; в данном случае наблюдается последовательный рост слоговой структуры слов (от двух до пяти слогов):

ляльки, няньки → люлечки → зыбулечки,
подсопочки шалковые → одеялочки...

Пример 4

Пособи, помогни рабы Марии,
вылечи, сыми с ей страхи-оземиши
и укусы кровяные с рабисы с Марии.
Ей змея кусала-от:
одна змея — серая,
одна — белая, одна — красная. [Вот три змеи.]
На етой перине
лежит змея Катерина.
Матушка Пресвятая Богородица,
помогни, сбрось эту змею Катерину,
чтобы она не кусала,
чтобы она не пивала
и крови с человека не доставала,
с рабисы Марии. [Вот.]
Засеки ее пути-дороги,
вылепи ей и выскочи глаза и ноги.
И аминь. [И все.]

Заговор от укуса змеи, скорпиона, паланги. "Кругом укуса гусиным салом и маслом коровьим мажешь и чертишь вот этим пальцем". Записала В.И. Бодрова в 1991 г. в д. Сибирячихе Солонешенского р-на Алтайского края от А.М. Юрьевой 1895 г.р., деды — из Тобольской губ.
Фонд видеозаписей АЦФ: 14.07.91.

В этом фрагменте нотированного заговора дополнительно к динамической и временно́й структурам фиксируется также звуковысотная сторона интонирования, как и темповая, в привычной для традиционной нотной записи форме (по метроному Мельцеля). Процесс произнесения заговора складывается для пожилой исполнительницы очень нелегко. Текст восстанавливается по отдельным строкам и во многих случаях по составляющим строки построениям, которые обрамляются ненормативными паузами. Собранный таким образом текст не выглядит слишком стройным, тем не менее моменты ритмической и звуковысотной организации в процессе последовательного интонирования выявляются вполне отчетливо.

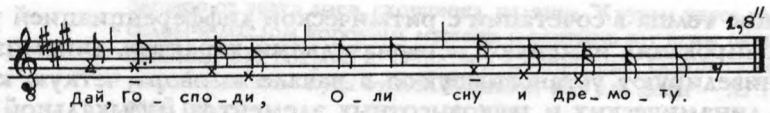
Рассматриваемый образец относится к группе заговоров, вернее, исполнительских версий, в которых наблюдается ослабление действия временно́й оппозиции речевых элементов. Многие его фрагменты преимущественно моноритмичны. На первый план в них выходит оппозиция динамических акцентов, которые поддерживаются системой звуковысотной организации. Первая строка задает исходную динамическую систему, заключающуюся в строгом распределении сильной (-), относительно сильной (грамматическое ударение) и слабой слоговых позиций. Все три динамические позиции четко координируются с тремя позициями высотной организации — высокой (cis), средней (gis-a) и низкой (fis). Появление в начале второй строки сверхсильной ударной позиции соответственно вызывает и появление сверхвысокого мелодического элемента. Окончания стиховых строк, проговаривающиеся на "остатках" дыхания, формируют и сверхнизкую высотную позицию. Безударные слоги в начальных строках выдержаны на одном высотном уровне (своеобразный нейтральный тон).

Исполнение характеризуется резкими изменениями, перепадами темпа от строки к строке: не постепенное ускорение или замедление скорости произнесения текста, а контрастное с точки зрения темпа противопоставление или следование речевых периодов заговора. Интонационное воплощение близких по словарному составу фраз ("Матушка Пресвятая Богородица..."), с одной стороны, демонстрирует устойчивость мелодического (ритмического и звуковысотного) контура, с другой — показывает некоторое повышение высоты звукового строя вследствие, видимо, эмоционального нарастания. Начальные построения более строго организованы и имеют несколько "сказовый" характер (вполне в таком роде мог произноситься традиционный сказочный зачин вроде "В некотором ца́рстве, в некотором госуда́рстве"). Последующее

ускорение темпа в сочетании с ритмической дифференциацией речевого интонирования изменяют первоначальный характер, динамизируют его и нивелируют установившуюся в начале заговора четкую координацию динамических и звуковысотных элементов музыкальной структуры.

Пример 5

Заговор от тоски.
Записала О.В. Ищенко в 1992 г. в с. Зыряновка Заринского р-на Алтайского края от П.Г. Чесноковой 1914 г.р.
Фонд звукозаписи АЦФ: XXIII-5, № 25.
Грампластинка, № 18.

Основная музыкально-ритмическая единица алтайского заговора от тоски выражается одной восьмой (♪). Относительная речевая моноритмичность интонирования преодолевается в первой строке выделением двух серединных ударных слогов стиха более крупными длительностями, т.е. временным акцентом, параллельно с ним действуют динамический и высотный. Во второй половине заговора отклонения от моноритмии происходят уже путем уменьшения ритмических единиц начальных или заключительных фрагментов стиховых строк. Мелодическая композиция заговора двухчастна. Первый раздел (строки 1—6) и второй (строки 7—11) выстроены по одному плану: строки с мелодическим рельефом арочного или волнообразного рисунка замыкаются нисходящей мелострокой (во втором разделе их две). Однако момент организации речевого интонирования в первом разделе выявляется более определенно, обладает вполне устойчивыми чертами: синхронное действие динамических и высотных акцентов, преобладание периодических ритмических и метроритмических структур, более ярко выраженная оппозиция высотных элементов. Во втором построении все эти признаки звукового оформления текста нивелируются, интонирование теряет в выразительности, становится более монотонным.

Рассмотренные образцы позволяют высказать некоторые дополнительные соображения о взаимоотношениях акцентов различного рода в процессе развертывания стиховой строки. Совершенно очевидно, что центральное место в интонационно-ритмической организации принадлежит динамическим акцентам, которые могут "действовать единолично", т.е. без координации с временными и звуковысотными характеристиками. Динамические акценты тесно связаны с грамматическими ударениями: усиливая отдельные из них, динамические акценты способствуют образованию устойчивых по местоположению в строке ударных позиций, что усложняет исходную грамматическую оппозицию:

безударные слоги ——— ударные слоги

нормативно ударные слоги

динамически усиленные ударные позиции

Однако самостоятельность динамических акцентов весьма ограничена, как правило, они тоже требуют усиления. Динамические акценты проявляются и реализуются благодаря свободно выдержанной координации с временной или звуковысотной оппозицией элементов. Тип интонирования заговорного текста, выявляющий динамическо-временную координацию элементов стиховой строки, представлен в примерах 1—3. Дифференцирующее значение звуковысотной оппозиции в них ослаблено, интонирование словесного текста достаточно монотонное, нарочито интонационно ограниченное, тихое (как бы шепотом).

Динамическо-звуковысотная координация структурных элементов стиха представлена в примерах 4 и 5. В них ослаблено действие временных акцентов, интонирование включает большое число фрагментов, составленных из равнодлительных ритмических единиц. Оба вида речевой координации, и динамическо-временная и динамическо-звуковысотная, отличаются заметной неустойчивостью в пределах интонирования одного текста. Так, фрагменты динамическо-временной координации могут чередоваться с собственно динамически ритмизованными фрагментами (примеры 1 и 3), а динамическо-звуковысотная координация, четко проявляющаяся в начальных фрагментах, к середине заговора становится менее выразительной, прежде всего за счет сглаживания звуковысотной оппозиции элементов стиховой строки. Тройная координация акцентов — динамических, временных и высотных — встречается гораздо реже двойной (см., например, начальную строку нотного примера 5) и проявляется еще более фрагментарно и неустойчиво.

Неустойчивость, многообразие форм ритмизации текста — характерная черта заговорного интонирования. Поэтому в пределах одного заговора чередуются стихи, отличающиеся по числу слогов, по количеству, местоположению и способам выявления ударных позиций. Естественно и разнообразие стиховых структур — от периодично-сегментированных двух или трехдольных (еще раз обратимся к примеру 1):

"Первым разом добрым часом" или
"Сыро́е коре́нье, серо́е, каме́нье" —

до апериодично-сегментированных построений разного рода:

"Води́ца-цари́ца, Бо́жия просвяти́ца",

включая ритмоформулы типа "перечислительных цепочек" или "слоговых прогрессий", а также свободные речевые конструкции.

Ритмическая пестрота, неоднородность стиховых строк отчасти преодолевается сходным оформлением смежно-стиховых структур. Степень и характер этого сходства тоже различны: аналогичное оформление начальных или/и концевых формул стиха (своеобразные ритмические анафоры и ритмические рифмы) или сходная ритмизация синтаксически параллельных построений. Смежно-стиховые структуры являются основными строительными элементами композиционных единиц более высокого порядка — ритмо-структурных блоков, которые

в свою очередь образуют целостную композицию заговора. Наиболее отчетливо этот процесс прослеживается в заговорах с типом интонирования на основе динамическо-временно́й координации стиховых элементов. В качестве основного объединяющего и членящего композиционного фактора в них выступает наличие/отсутствие и местоположение сильной стиховой ударной позиции: смежно-стиховые структуры с одинаковым положением ударной позиции объединяются в ритмо-структурные блоки, изменение же положения ударной позиции способствует выявлению композиционного членения целостной структуры.

Самая лаконичная и четкая с этой точки зрения композиция отличает кемеровский образец (см. пример 2; схема 1).

Схема 1

Стиховые строки	1—3	4—5	6—7	8, 9, 10
Ритмо-структурные блоки	A		C	D
Смежно-стиховые структуры	I	II	III	x
Местоположение сильной ударной позиции/нормативные акценты	начальное, преимущественно иктовое		концевое	нормативные динамические акценты с предыктом

Примечание: прописными буквами обозначены ритмо-структурные блоки целостной композиции, римскими цифрами — смежно-стиховые структуры по порядку их появления в целостной композиции, значком x — стиховые строки, не образующие смежно-стиховую структуру, арабскими цифрами — порядковые номера стиховых строк заговора.

Несколько более сложной предстает организация целостной структуры омского заговора (см. пример 1; схема 2).

Схема 2

1—2	3—5	6—10	11	12—15 (перечислительная цепочка)	16—18	19, 20
I	II	III	x	IV	V	x
начальное иктовое		с предыктом и последовательным перемещением к концу строки			концевое с постыктом	нормативные динамические акценты с предыктом

И наконец, наиболее гибко и мастерски выстроен забайкальский заговор (см. пример 3; схема 3).

Схема 3

1—2	3—4	5—6	7—11 (перечислительная цепочка)	12—13	14	15—16	17
	A		B		C		D
I	x	II	III	IV	x	V	x
	двойное:						
начальное иктовое	начальное с предыктом плюс серединное	начальное иктовое	нормативные динамические акценты с формированием предыкта	концевое	нормативные динамические акценты	концевое	нормативные динамические акценты

Кроме отмеченного выше принципа последовательного "складывания" целостной структуры, общим для всех трех образцов является перемещение сильной ударной позиции с начала стиховых строк (первый ритмо-структурный блок) в их конец (предзаключительный блок), а также и ее исчезновение в заключительном блоке.

Заговоры с динамическо-звуковысотной организацией стиховых элементов организованы по-другому. Целостная структура заговора, видимо, членится на тирады, неравнострочные "строфы" на основе смысловых цезур; знаком окончания смысловой тирады является строка с иными ритмическими характеристиками (по сравнению с предшествующими стихами) и направленным звуковысотным ниспаданием (см. пример 5, строка "скуку и тоску и бессонницу"), что указывает на связь ритмо-интонационных циклов целостной структуры с дыхательными. Более подробно говорить на эту тему, однако, не представляется возможным вследствие скудности и недостаточной интонационной репрезентативности имеющихся в звукозаписи исполнительных версий.

Следующий вопрос, требующий хотя бы краткого освещения, — это вопрос о соотношении ритмо-структурной целостности композиции, отмеченной выше, и функционально-смысловой организации вербального текста заговора. Авторы разного рода работ о жанре заговора неоднократно обращали внимание на строгость и последовательность организации его структуры. Композиция заговора, как правило, имеет составной характер; составляющие ее элементы, следующие друг за другом в более или менее строгом порядке, называются традиционными[16], просто постоянными[17] или постоянными

---

[16] *Аникин В.П.* Русский фольклор... — С. 107.

[17] *Восточнославянский* фольклор... — С. 78.

конститутивными[18] элементами. Сами эти элементы выделяются чаще всего на основе учета функционально-смысловых или функционально-структурных (Г.А. Барташевич) характеристик. Исследовательница поэтики устных заговоров, отмечая разнообразие композиционных форм заговора вообще, обращает внимание на сокращение композиции в процессе устного бытования жанра (при этом "действенность" слов закрепляется троекратным повторением текста) и в качестве основной выделяет трехчастную композицию, состоящую из зачина, эпической части и закрепки[19].

Сибирский материал подтверждает эти положения. Действительно, устные заговоры невелики по объему (10—20 стиховых строк) и композиционно лаконичны (3—4 ритмо-структурных блока, не более 10 смежно-стиховых структур или заменяющих их построений). Впрочем, напомним, что сказанное относится прежде всего к заговорам с динамическо-временной координацией интонирования. Заговоры динамическо-звуковысотной координации нередко бывают более протяженными и композиционно многочастными, что, возможно, отражает смешанную, устно-письменную, форму их бытования.

Обратимся вновь к композиционным схемам кемеровского, омского и забайкальского заговоров. Совершенно очевидно, что все начальные ритмо-структурные блоки, обозначенные буквой А, организованы достаточно сходно: они характеризуются наличием сильной ударной позиции и начальным, преимущественно иктовым положением ее в стиховой строке. Все ритмо-структурные блоки С объединяются концевым положением ударной позиции. Ритмо-структурные блоки В более разнообразны и отмечены или неустойчивым положением ударной позиции (пример 1), или ее отсутствием и действием нормативных динамических акцентов (пример 3). Общим для блоков В является то, что они организованы иначе, чем блоки А и С, возможно, более свободно и, как правило, включают специфические стиховые структуры, образованные по типу перечислительной цепочки. Ритмо-структурные блоки D обычно не содержат смежно-стиховых структур, ограничиваются заменяющими их построениями, организованными нормативными динамическими акцентами. После динамично устремленной ритмоструктуры С блок D воспринимается как "тормозящее" дополнение. Учитывая вышеизложенные характеристики однородных блоков, можно определить их структурные функции: блок А — начальный, В — серединный, С — завершающий, D — дополнительный.

---

[18] *Кагаров Е.Г.* Словесные компоненты обряда (публикация А.Н. Розова) // Из истории русской советской фольклористики. — Л., 1981. — С. 72.

[19] *Власова З.И.* К изучению поэтики... — С. 195—196.

Членение целостной ритмо-структурной композиции не синхронно по отношению к членению функционально-смысловой композиции вербального текста: смена ритмических структур может предшествовать смене конструктивных элементов смысловой композиции, запаздывать по отношению к последней; один ритмо-структурный блок может охватывать две традиционные функционально-смысловые формулы вербального текста. Однако в самом общем плане конститутивные элементы обеих композиций вполне могут быть соотнесены: блок А — зачин, В — эпическая/лирическая (по Кагарову) части, С — императивная часть / закрепка, D — зааминивание.

Несмотря на отсутствие строгой синхронности композиционного членения на интересующих нас уровнях текста, на присутствие некоторых признаков репризности блока С по отношению к блоку А, ритмоструктурная композиция координируется с общими формообразующими функциями, определяющими заговор как специализированную форму речевого высказывания.

Заговор, являясь отдельным, весьма своеобразным жанром поэтического творчества русского народа, тесно связан с широким кругом фольклорных явлений. Значительную часть этого функционально и структурно родственного круга составляют естественно речевые жанры: обрядовые и бытовые приговоры, заклинания, загадки, пословицы и пр. Но в этот круг включается также большое число собственно песенных, песнеподобных (квазипесенных) и переходных форм. Не вдаваясь в подробности, а только определив в качестве "связующих нитей" особенности ритмической, структурной, интонационной организации, а также характер интонирования, укажем на близость заговоров трудовым[20], обрядовым заклинательным[21] песням, в частности, немало аналогичных явлений обнаруживается в сибирском календарном песенном фольклоре (см. музыковедческую статью в настоящем издании). К числу сходно организованных фольклорных форм несомненно следует отнести также песенные "вставки" в русских сказках[22].

Н.В. Леонова

---

[20]*Рюйтел И.* Исторические пласты... — С. 19—20.

[21]*Колпакова Н.П.* Русская народная бытовая песня. — М.; Л., 1962. — С. 42—45.

[22]*Леонова Н.В.* О музыке в русских бытовых сказках // Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые. — Новосибирск, 1993. — С. 36—40.

ТЕКСТЫ

ПРОМЫСЛОВО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ

ОХОТА И РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

355. **На ружье**

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Аминь!
Встану я, раб Божий (*имярек*), перекрестясь,
пойду, благословясь, на восточную сторону,
на батюшку окиян-море.
На том святом синем море-окияне,
на острове Буяне
лежит бел Латырь-камень,
а на том камне стоит церковь
во имя Покрова Пресвятой Богородицы.
А в той церкви — золотой престол,
а на престоле сидит Матушка Пресвятая Богородица,
скорбям помощница, теплая заступница.
То я, раб Божий (*имярек*),
иду к престолу в чистоте и обиходе,
несу за плечами калено ружье.
Подхожу поблизку, поклонюсь понизку:
— Ох ты гой еси, Матушка Пресвятая Богородица!
Прикрой меня, раба Божия (*имярек*),
под правую полу нетленной своей ризой
от злого супостата,
от колдуна, от колдуницы,
от еретика и еретицы,
от инородных шаман и шаманок,
от супротивного ружья, от сизого и черного пороху,
от селитры, от пуль свинцовых,
от каленых стрел, от острого ножа и меча,
от булатного копья,
от лютого зверя, от шипучего змея,

от лихого человека к заряду.
А я, раб Божий (*имярек*),
заряжаю свое калено ружье сизым-черным порохом,
селитрой и пулей свинцовой.
И как гремят громы гремучие
и молнии сверкучие,
и так батюшка Михаил-архангел, Илья-пророк
бьет громом и палит молниею
стоячее дерево по ретивому сердцу,
а так бы мое ружье било-пробивало
с черным порохом и свинцом
по всякой птице летучей и по всяким зверям рыскучим,
встречным и поперечным —
месяца млада, месяца ветха, месяца перекрою
и во все двадцать четыре часа каждого дня и ночи,
во все мои лета, ныне, и присно,
и во веки веков.
Аминь!

356. **При отправке на охоту**

Стану я, раб Божий (*имярек*), благословясь,
и пойду, перекрестясь,
из избы во двери, из ворот в ворота,
в чистое поле — в широкое раздолье.
Стану я, раб, под светлую зарницу,
пообтычусь я, раб Божий (*имярек*), частыми звездами
и укроюсь светлым месяцем,
просвечусь красным солнцем.
Пойду путем-дорогою, где бежит синее море.
На синем море — злат престол,
на злат престоле — Михаил-архангел и Егорий Храбрый.
Умоюсь я, раб Божий (*имярек*),
утреннюю зарею и вечернею росою,
опеленаюсь Пречистою Марией, Пречистою Богородицею,
пеленою на все четыре стороны,
подступлю я к престолу Господню с огненным ружьем,
раб Божий (*имярек*), стрелец,
попрошу и помолю Егория Храброго и Михаила-архангела,
чтобы мне сослал разного зверя,
и разного копыта, и разную летучую птицу
на всех моих урочищах и зеленой дубраве;
и сии бы звери и птицы моего треску не слыхали,
как сей земной сотворенный крот не видит свету и лучей,
так бы разные звери и птицы

духу моего не слыхали и свету не видали;
как земной крот в сырой земле ходит сквозь воды,
так бы между зверя и птицы я, раб Божий (*имярек*),
стрелец со огненным ружьем.
Замок — земля, златы ключи — на небе.
Тем замкну, тем заключу.
Аминь!

357. На удачную охоту

Матушка Водица-царица, дочь семнадцатого марта!
С крутых гор катилась по лугам и долинам,
омывала пенья и коренья,
вырывала крутые берега,
вымывала золотые пески.
Омой меня, раба Божия (*имярек*),
ружье мое с дулом шестивинтовое железное,
с порохом, свинцом и кремнем огненным,
запал с вылетом.
Омывая, закрой от еретика и еретички,
колдуна и колдуньи, от духов нечестивых
и бесов полуденных и северных,
от ворона летучего и гада ползучего,
от глаза черного, белого, пестрого,
встречного и поперечного.
О матушка Водица!
Унеси ты мой нефарт
вниз по течению до самого синего моря,
в самую морскую глубину,
чтобы оно там потонуло
и ко мне не вернулось.
Эти слова замыкаю крепким железным замком.
Пусть будет замок в море, а ключ — на небе.
Аминь!

358. На охоту

Стану я, раб Божий (*имярек*), благословясь,
пойду, перекрестясь,
из избы дверью, из ворот в ворота,
под восточную сторону к окияну-морю.
На том окияне-море есть остров,
на том острове — Божия церковь,
в той церкви — престол Господень,
на том престоле сидит Илья-пророк, и Михаил-архангел,
и сам Иисус Христос, небесных сил воевода,

и под ним сед конь бел
ездит по лесам и по чащам,
по заломам и по выскарям
и загоняет зайца белого и серого
и широколапого и широкозадого
на свои дорожки и на свои тропинки.
Бежали бы зайцы белые и серые
по моим ловушкам и моим па́стушкам,
не оглядывались, не отворачивались
и не отпячивались во веки веков.
Аминь!
Как реки и истоки мелки урочища бегут-избегают,
так бежали бы зайцы белые и серые,
широколапые и широкозадые
на свои дорожки, на свои тропинки,
по моим ловушкам и па́стушкам,
не оглядывались, не отворачивались и не отпячивались.
Тем моим словам ключевое слово:
которое слово переговорил, которое не договорил.
Как прутик у меня в зубах,
так был бы заяц у меня в руках.

359

Стану, благословясь, пойду, перекрестясь,
из избы дверьми, из дверей в ворота,
на восточную сторону, под красное солнышко,
под млад светел месяц, под частые звезды,
под океан-море.
На этом на океане стоит мать Божья церковь,
на престоле сидит Мать Пресвятая Богородица.
Подойду к ней поближе, поклонюсь пониже:
— Ой еси, Мать Пресвятая Богородица,
как на небесах гром гремит,
так бы моя шестилинейная винтовка гремела,
била птицу летящую, зверя рыскающего.
Аминь!

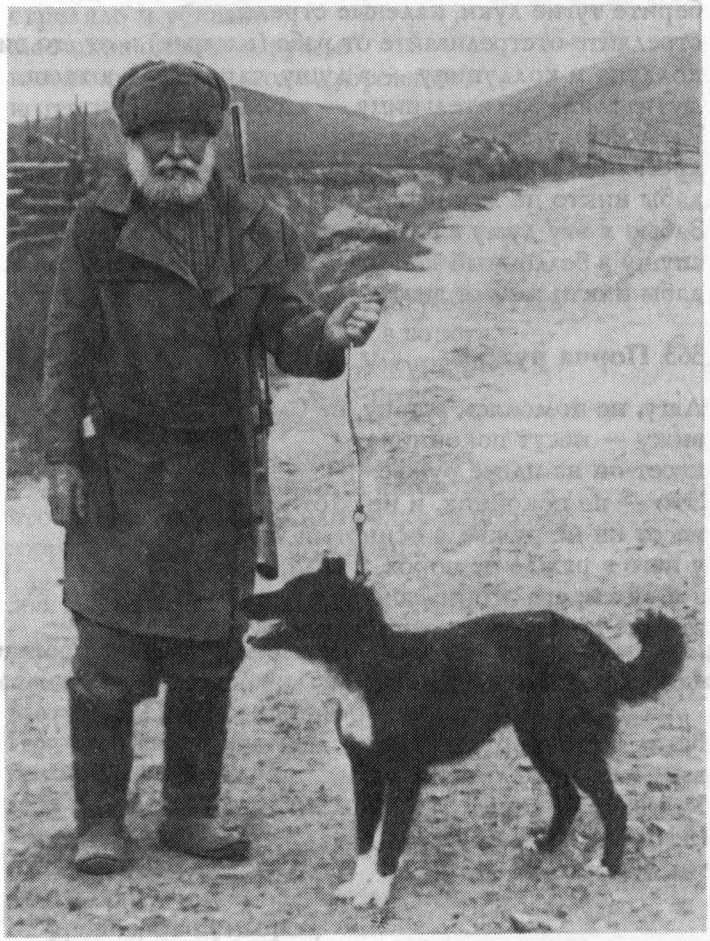
360. **Перед охотой**

Стану я, благословясь, пойду я, перекрестясь,
из дверей в двери, из ворот в ворота,
в чистое поле, в широкое раздолье,
по горам я, по долам, по темным лесам,
на добрую бирдяну.

Шли бы звери ходучи, птицы летучи:
шли бы лисицы, черные куницы,
стрешный зверь и поперечный зверь,
проходной и запяточный, —
не боялись бы меня звери,
казался бы я им белым камнем!

361

Встану, благословясь, пойду, перекрестясь,
под восточную сторону, на Сеян круту гору.
На той горе стоят три брата родные:
первый — Хай, другой — Май, третий — Яков.

Охотник Евтей Аверьянович Ковалев (с. Большой Куналей. Бурятия). Фото Ф.Ф. Болонева.

Стреляют-отстреливают во все четыре стороны,
чтобы никто не мог повредить мне, рабу (*имярек*),
и моей винтовке тоже.

362. От порчи оружия

Стану, благословясь, пойду, перекрестясь,
из дверей в двери, из ворот в ворота,
под восточную гору, к Сиян-горе.
На той горе — три брата:
первый брат Хай, второй — Май, третий — Яков.
Подойду к ним поближе, поклонюсь пониже:
— Ой еси, три брата,
берите тугие луки, каленые стрелы,
стреляйте-отстреливайте от раба (*имярек*) и от его винтовки
колдуна и колдуницу — в душу, чародея — в темя,
мстителя и мстительницу — в ребра!
Всем завидующим, глядящим из щели —
дресвяной камень в зубы,
дабы никто не мог испортить.
Забью я эту думу в бездонный туес,
спущу в бездонный колодец,
дабы никто не мог знать и испортить.

363. Порча ружья

Лягу, не помолясь, встану, не благословясь,
вижу — несут покойника,
несет он на плече ружье.
Это — не покойник, и не охотник это,
несет он не ружье, а осиновый кол,
у него в ружье не порох, а зола,
а в ружье его это не свинец, а вода, —
это все превратится снаряд золой и водой!

364. Порча ружья

Встал Иван-мертвяк, пошел мертвяк,
взял клюку железную.
Как воск не горит,
(*Вар.: Как вода не горит,*)
так и порох не летит.

365. Порча ружья

Это не охотник идет, а поп,
он не ружье несет, а кадило.
Он не птицу стрелять,
а время провожать.

Три раза подумать так — ружье не выстрелит.

366. Как смывать ружье водой

Как гром бьет, молния жжет
и палит громами гремучими,
молоньями сверкучими
и каменьями огненными,
так же б било и палило,
стреляло и убивало
мое царь огненное ружье
и всякого зверя в поле дубровного,
и птицу пернатую.
Кости ломало, кровь проливало.
И будьте мои слова все сполна.
Аминь.

367. Смывка порченного ружья

Встану, благословясь, пойду, перекрестясь,
из дверей в двери, из ворот в ворота,
во чисто поле, к батюшке Ужуру-реке:
— Как ты, батюшка Ужур-речка,
моешь-полощешь берега,
так смой-сполощи с нового железа,
с моего ружья все порчи и наговоры,
чтобы оно било и ранило белку-перескочу,
зверя бегущего противу сердца.

368. На охрану пойманной дичи

Охотник, уходя из урочища, в котором поставил петли, капканы, самострелы, становился лицом к востоку и приговаривал:

Матушка Пречистая Богородица!
Прикрой своей ризой,
белой своей пеленой
мои ловушки-поставушки,
клепцы и капканы,
пышного зверя,
красную лисицу и белого зайца
от уроков, от призоров,

от сороки, от вороны,
от вещего ворона,
от девки-простоволоски,
от бабы-самокрутки.
Аминь!

369. Ограждение от волков

Как мертвец мертвый лежит,
полотном белым покрыт,
зла он не думает,
лиха не сотворяет,
глаза не открывает,
рот не разевает,
так бы и вы, серые волки,
зла бы не делали,
лихо бы не сотворяли,
уста свои не открывали,
глаза свои не открывали
на меня, раба Божьего Ивана.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Аминь!

370. На ловлю рыбы

Поймать первую рыбку, постегать прутиком три раза, приговаривая за каждым разом, и отпустить ее в речку.

Я тебе приказываю:
— Иди, приведи мне мать с отцом,
братьев и сестер
и всех детей!

371. При ловле рыбы

Сказать трижды:

— Идите, рыба и малая рыбица,
в мой матер невод,
широкую матню.

372. На ловлю рыбы

Сколько было в церкви народу,
столько бы в моей ловушке рыбы.

Все мои слова лепки и крепки.
Тем моим словам рот, зубы — замок,
язык — ключ, в море брошены.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

373. На будущий урожай

Вот тебе, батюшка овин,
хлеб и соль, пшеничная булка.
Как булка хороша,
тако ж урожай дай хорош —
сам-двадцать,
чтоб птица не клевала,
чтоб ветры не вздували,
чтоб градом не сбивало,
чтоб дождем не высекало
и солнцем не сожигало.
Аминь, аминь, аминь!

374. Хлеб сеять ладить

У раба Божьего, у младенца,
беру етыт кусочек.
Как он не видит сонный,
так я еду, раб Божий Филипп,
в чистое поле
и везу я семяной хлеб.
Как зайду я на первый узел,
и зарываю ету крошечку
на четыре угла,
и начинаю сеять.
Как я взял етот хлеб
у младенца спящего,
так и летучая птица,
и насекомая, и зверь
не видал ету полосу.

375. Перед посевом

Как я веска и тяжка,
так и хлеб мой будь на полосе
веской и тяжкой;
чтоб никто не мог на моей полосе

свет (*цвет*) ни снять, ни сдуть,
и чтобы дождь не обмыл,
и человек не оснимал,
окроме меня — хозяйки.

376. При посеве

Зароди, Боже, на всякую долю:
птицам и нам!

377. На урожай

Умоюсь я (*имярек*) в утреннюю зарю
утренней росой,
и очерчу себя безымянным пальцем,
и скажу:
— Гой еси ты, заря утренняя!
И ты, заря вечерняя!
Пади ты на мою рожь (*и проч.*),
дабы она росла,
как лес высока,
как дуб толста.
Будьте мои слова
крепки и лепки.

378. На капустную рассаду

«Как зайдешь в огород сеять рассаду, прочитать текст три раза. И добавить после третьего раза: "Во имя Отца и Сына, Святого Духа, аминь!"»

Полевые черви, — в поле,
земляные, — в землю,
водяные черви, — в воду,
а последний червь,
сам себя съешь.

379. При посадке лука

Расти, мой лук, с бычий глаз,
с конский хвост,
чтобы лук рос.
Аминь! (*Три раза*)

380. Для урожая огурцов

"С вечера заготовить гряду, с мужем ночью не спать, рано утром в чистом белье выйти в огород, отрезать краюшку хлеба от

целой булки, посолить круто и закопать под гряду со стороны восхода солнца. Сказать эти слова, посадить семена, и в этот день в огороде делать больше ничего нельзя".

Матушка-землица!
На тебе дар земной,
дай мне дар райский.

381. На охрану урожая

Встану я, раб Божий (*имярек*), благословясь,
пойду, помолясь, из избы в двери,
из дверей в вороты, в чистое поле,
прямо на восток и скажу:
— Гой еси, солнце жаркое!
Не пали и не пожигай ты овощ и хлеб мой (*имярек*),
а жги и пали куколь и полынь-траву.
Будьте мои слова крепки и лепки.

382. От грозы

Батюшка Иван и Илья,
Матушка Богородица!
Пожалейте малых детушек,
сохраните наш хлебушко,
унесите тучу темным лесом,
пустым местом.

383. От градовой тучи

Выбрасывали в ограду ухват, клюку, сковородник и приговаривали:

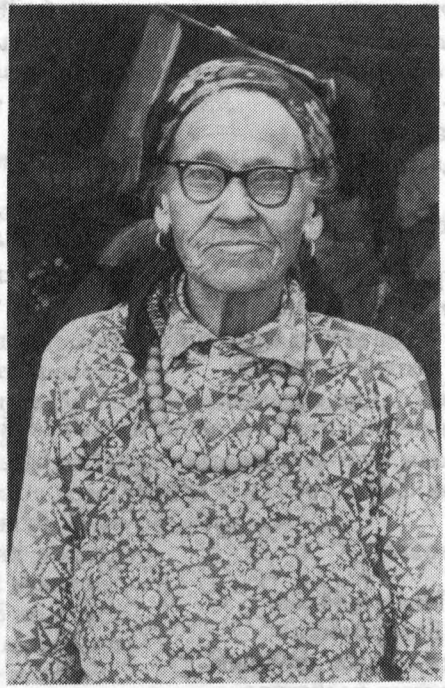
Ухват, отторгни град;
клюка, отверни град;
сковородник-отворотник,
отвороти град!

384. На охрану хлеба от кражи

Впереди — огонь,
позади — вода,
кругом — каменная стена!

385. От воробьев и червяков

Читать на заре.

Анастасия Яковлевна Киселева, знаток народного быта и заговоров (с. Новая Брянь. Бурятия). 1970-е гг. Фото Ф.Ф. Болонева.

Сяду я на кнут,
погоняю кнут кнутом,
оловянным прутом
из своего огорода
серого воробья,
серого червяка,
черную букарку.
Летите и ползите
в дикие луга,
там ешьте и точите
и с комлю, и с вершины,
а в моем огороде
не шевелите.
Замкну вам губы и зубы
двумя замками,
тремя ключами.
Брошу ключи в сине море.
Ключи вам там не найти,

в моем огороде вам
не ись, не точить.

386. От букарки

Читают на три зари.
Заря-зарница, красна девица,
возьми железный жгут
и гони эту птицу
на зеленый луг,
с этого хлеба —
на пень, на колоду,
на грязь, на болоту,
на горькую осину,
на саму вершину.

387. От птиц на хлебах

Сороки, и вороны,
и черные во́роны,
и галицы черные!
Летаете по чистому полю,
и облетаете храм Божий,
и не видите во храме Божьем,
перед Батюшкой Спасом
и перед Матушкой Богородицей
неугасимые
воску ярова свечи.
Так бы вам летать
и не видеть пшеницы белояровой!
Язык мой — ключ,
уста — замок.
Аминь.

388. От червей

Земля — в лук,
черви — от лука.
Земля сохнет,
и черви сохнут.

389. От червей

Татарин-богатырь!
Чо я к тебе прибегаю,

и чо я тебя прошу,
и чо тебе говорю:
— Из нашего огорода, из-под гряд,
из-под корня луку
высочи и замори
всяких-разных червяков.
Если ты их высочишь и заморишь,
то я тебя крепкой водкой
напою и отблагодарю.
А если ты, татарин-богатырь,
не высочишь и не заморишь,
то я тебя самого, татарина-богатыря,
заморю.

390. От червей

Черви, черви ветряные,
черви земляные,
не губите мои сады зеленые
во веки веков.
Аминь!

391. От червей

Червяки и букашки,
третья кобылка,
вот вам горькая осинка.
Ешьте ее — наслаждайтесь.
Это — мой зеленый сад,
к нему не прикасайтесь.

392. От червей

Ты, земля, от девяти девьих ног,
от девяти до восьми,
от восьми до семи,
от семи до шести,
от одного — ни одного.

393. От червей

Женился червь на десяти женах:
с десяти — на девяти,
с девяти — на восьми,
с восьми — на семи,

с семи — на шести,
с шести — на пяти,
с пяти — на четырех,
с четырех — на трех,
с трех — на двух,
с двух — на одной,
с одной — ни на одной.

394. **От червей**

Матушка крапивушка,
я тебя заламываю
на белу березоньку,
на горьку осинушку.
Выведи червяка всякого,
косматого, лохматого.
Не выведешь, не высушишь —
я тебя на огне сожгу,
на костре спалю.

395. **От капустного червя**

Ой еси, царь-трава,
выведи червяка из белой капусты.
Ежели не выведешь червяка
из белой капусты,
с зеленого луку,
заломлю буйну голову.
Отныне и довеку!

396. **Против всех червей**

Стой, трава-татарин,
я иду к тебе, парень, не даром:
твою голову к сырой земле приклонить,
червей заморить.
Если через три дня червей заморишь —
отпущу,
не заморишь —
посушу.

397. **От мышей**

"*Когда клади кладут, дак первый воз как привезут, ну и с первым снопом приговаривают*":

— Кого привез?
— Кошку да кота.
— Зачем привез?
— Мышей давить,
чтобы он их век давил
и — по веки не было.

398. При сушке снопов

Вставай, Царь Огонь
и Царица Искра.
Царю Огню и Царице Искре
нет воли во всем овине,
вот вам воля на сем месте.
Помяни, Господи, царя Давида
и всю кротость его.
Разлучи, Господи,
мой хлебец с дымом.
Аминь.

СКОТОВОДСТВО

399. Когда приводят новую скотину

Сказать трижды:
Матушка соседушка,
Прими мою черную (*по масти*) скотинушку,
люби ее, корми ее,
дой, ласкай, поглаживай.

400. Весной, при выгоне коров на пастбище

Никодимова порода,
не ходи моей дорогой.
Ты ходи своей дорогой,
а моя скотинушка
пойдет своей дорогой.
Мою скотинушку спасет-стережет
Никола Милостивый,
а тебя, Никодимова порода,
оттоняет Егорий Храбрый
своей железной тростью.

401. "Предохранительная молитва"

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь! Молитвой святого пророка царя Давида, бывшего пастыря овцам в дому отца своего, и молитвами святых мучеников Флора, Лавра и Власия, им же Господь препоручил предохраняти во врачевании разного животного: конского и коровьего и прочего скота, и молитвами святого великомученика и победоносца Георгия, ему же Господь покори лютых и хищных зверей, я, раб Божий (*имярек*), выгоняю своих животных в чисто поле, широкое раздолье, в зеленые луга и дубравы. Помолюсь на восток и поклонюсь на все четыре стороны святым ангелам-хранителям скотским, святым угодникам — царю Давиду, Лавру и Власию и святому великомученику и победоносцу Георгию, — пасите и храните моих животных от всяких причин, от всяких ворогов, от супостатов, от злых завидущих человеков-воров и от татей; пасите и храните моих животных от разных вредных смертоносных поветрий; пасите и храните моих животных от лютых и хищных зверей во дни и ночи. И дай, Господи, моим животным изобильное насыщение от злака-травы, от полных хлебородных плодов и дай, Господи, от моих коровушек изобильное молоко, сливки, масло. Всегда: и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

402. Чтобы корова много молока давала

Господи, благослови!
Как земля основана
на трех китах, на трех китищах,
как с места на место
земля не шевелится,
так бы любимая скотинушка (*кличка*)
с места не шевелилась.
Не дай ей, Господи,
ни леганья,
ни хвостом маханья,
ни рогами боданья.
Стой горой,
а дой — рекой:
озеро сметаны,
реки молока.

403. От "ноктя"

Спаси, Господи, помилуй
от скорби, от болезни (*и т.д.*).
Ляжу я, помолясь,
встану, перекрестясь,
пойду из дверей в двери,

из ворот в ворота.
Едет Егорий Храбрый
на своем белом коне.
Подойду я поближе,
поклонюсь пониже:
— Ты же, Егорий Храбрый,
угоняешь с белого мерина нокоть:
почешный нокоть,
и подпочешный нокоть,
и жировой нокоть,
и костишный нокоть,
и селезеночный нокоть,
и подселезеночный нокоть,
жиловой нокоть,
и поджиловой нокоть,
и кожишный нокоть,
и исподкожишный нокоть,
саловой нокоть,
и подсаловой нокоть,
храповой нокоть,
чолошный нокоть,
и исподчолошный нокоть
с челки — на гриву,
с гривы — на хвост,
с хвоста — на копыта,
с копыт — на все четыре стороны.
И всегда: и ныне, и присно,
и во веки веков.
Аминь.

404. Наговор на скотину

"Дабы сохранить от болезней и хищных зверей стадо коров и овец, знахарь вырезывает понемногу шерсти с передней холки черных, красных, белых, пестрых и прочих, какие в стаде находятся, коров и овец и, завязав шерсть в узел, обходит стадо три раза по солнцу, наговаривая нижеследующее, а потом опускает в воду до осени, пока скот в поле".

Встану я, раб Божий (*имярек*), благословясь,
пойду, перекрестясь,
из ворот в ворота,
из дверей в двери,
в чистое поле под выток,
под выточную сторону,
на море-окиян.

На этом море-окия́не
лежит бел Алатыр-камень,
а на камени — сила небесная.
Подойду я поближе,
поклонюсь пониже:
— Силы небесные,
пошлите свою помощь и силу
на наш скот, милый живот,
в чистое поле,
в зеленые луга,
в темные леса.
И сходят седмь ангел,
имеющих в руках седмь светильник
с горящими свещами,
и обходят около нашего скота,
милого живота;
и жгут они, пожигают
всех колдунов и колдуниц,
еретиков и еретиц,
зверей и звериц,
змеев и змеиц,
волков и волчиц,
и оказывают святии ангели
наш скот, милый живот,
пеньем (*пнями*) и колодьем (*колодами*).
Встретили наш скот, милый живот,
святой великомученик Георгий
и святой царь Константин
на белых конях,
имуще в руках щиты огненные;
и объезжают около нашего скота,
милого живота,
и бьют они, побивают
всех колдунов и колдуниц,
еретиков и еретиц,
зверей и звериц,
волков и волчиц,
и оказывают им пеньем и колодьем.
Встречают наш скот, милый живот,
святые бессребреницы
Косьма и Дамиан,
имуще в руках различное врачество,
и обходят около нашего скота,

милого живота,
врачуют их от всякия болезни:
и тлетворных ветров,
и смертоносныя язвы —
и оказывает наш скот,
милый живот,
всем колдунам и колдуницам,
еретикам и еретицам,
волкам и волчицам
пеньем и колодьем.
Век по веку,
отныне и довеку,
ныне и присно (*и прочая*).
(*Потом трижды:*)
Да воскреснет Бог!

405. От болезни скота

Нашептывают над водой, а потом дают ее пить лошади.

На море на океане,
на острове Буяне
стоит Латырь-камень,
на этом камне стоит собор.
В соборе стоит престол,
на нем сидит Иисус Христос.
Приду я к нему поближе,
поклонюсь пониже,
попрошу я три прута медных,
три прута железных,
три прута оловянных
и бить скотину,
милую животину,
выбивать из нее
двенадцать ноктей:
нокоть жиляной,
мясной, костовой,
суставной, хребтовой,
хвостовой, сердцевой,
ноздревой, мозговой.
Он будет выходить в ноздри,
а с ноздрей пойдет
во сыру землю.
Будьте мои слова все сполна.
Аминь.

406. От "ноктя"

Фрёл и Лавёр,
храните мою поскотину,
животну рыжу,
от всех двенадцати ноктей:
от кровяного, от глазного,
от мозгового, от нутряного,
от костяного, от хребтового,
от ребрового, от хвостового,
от потного, от водяного,
от зубного, от езышного.
Будьте мои слова все сполна,
которые не договорены
или переговорены.
Аминь.

407

Лягу, благословясь, стану, перекрестясь,
пойду под востошну сторону, на океян-море.
Там лежит Колода-рыба.
Подойду поближе, поклонюсь пониже:
— Вынь из моих лошадей двенадцать нохтей,
двенадцать скорбей:
от дыхательнова, от пыхательнова,
от норошнова, от глазнова,
от ушнова, от челношнова,
от копытнова, от щеточнова,
от хвостовова, от хребтовова,
от болоннова, от заболоннова,
от стрешнова, от поперешнова,
от щипоты, от ломоты,
от западинова ветру.
Бросаю все наговоры через плечо наотмачь.
Матушка Колода-рыба,
закрепи мои слова белояровым хрящом,
белояровым печком на доброе здоровье.

408. На коров и овец

Царь Муравей, Царица Мурашица!
Как ваши детушки не расходятся,
Не разбегаются во все четыре стороны,
так бы мое стадо не расходилося,

не разбегалося во все четыре стороны.
Знала бы коровушка коровушку,
теленочек теленочка,
овечка овечушку, лошадка лошадушку
при утренней заре Марьяне,
при вечерней Маремьяне,
при всей луне Господней,
при Божьей колеснице.

409

Читают три раза на соль или на табак, стоя лицом "на солносход".

Стану, благословясь,
пойду, перекрестясь,
в чисто поле.
В чистом поле стоит ракитов дуб,
на дубу сидит млад исёл сокол.
Подойду я (*имярек*) близешенько,
поклонюсь низешенько:
— Батюшка исёл сокол,
не скреби сырый дуб,
полетай во конюшнай двор,
выскреби (*масть коня*) скорбище и ногтище,
двенадцать нохтей,
двенадцать скорбей:
с ретивого сердца,
с лехки, с печенки,
с горячего сердца,
хребтовой, мозговой, проходной,
из-под щетки, из-под копыта,
из семидесяти семи жил с поджилкой.
Будьте крепки и лепки мои слова,
крепче камня, крепче булату.
Плюну слюну я в воду.
Слов моих не поднять,
комару носа не подточать,
тетере слов моих не перенять.

410

Пойду я, благословесь,
пойду, перекрестесь,
в чистое поле,
в широкое раздолье,

на синее море.
На синем море сидит Абака-зверь.
— Выгоняй из коня (*такого-то*)
двенадцать нохтей:
стрешнаго и поперешнаго,
щеточнаго и подщетачнаго,
хребтоваго и саповаго,
из сапу — в голову,
из головы — в гриву,
из гривы — в спину,
из спины — в зад,
из зада — в землю.
Батюшка Абака-зверь,
прошу тебя выгнать
из моего коня (*такого-то*) боль.

411. От "ногтя"

Во имя Отца и Сына
и Святого Духа. Аминь.
Отец и Сын и Дух Свят —
Троица святая животворящая,
раб Божий (*имярек*) просит
у Троицы животворящей,
у Флора и Лавра:
— Храните, стерегите
мою сивую лошадь
от всякой порчи,
от всякого ворога, от супостата,
от всякого злого человека,
от тящищаго этого ярого ногтя,
от всех двенадцати ногтей:
от глазного, ноздревого,
заушного, сердцевого,
мозгового, нутряного,
хребтового, кожного,
закожного, почечного,
подрепичного,
жильного и костяного.
Все вы, лютые и ярые ногти,
откуль вы пришли,
туда и пойдите:
с травы на траву пойдите,
с воды на воду пойдите,
с ветру пришли —

на ветер пойдите,
с лесу — на лес пойдите;
откуль вы взялися,
туда и пойдите.
Будьте мои слова
все сполна трижды,
все сполна словом.
Подите, мои слова,
к лошади в спину,
в рот, в ноздри, в уши,
в ретивое сердце,
в горячую кровь,
в черную печень
и во все жилы и суставы;
изгоните вы двенадцать ногтей:
изгоните в спину,
из спины — в хвост,
из хвоста — в ноги,
из ног — в матушку сырую землю.
Так, лошадь сивая, будь здрава,
и ничем не болей, и не скорби
всегда: и ныне, и присно,
и во веки веков.
Аминь.

412. На приплод овец

Как муравьи плодятся,
так бы у меня, раба Божьего (*имярек*),
плодились овечки:
беленьки, черненькие, пегонькие.
Ключ и замок —
сам Иисус Христос.

413. От червей

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Аминь.
Стану я, раб Божий (*имярек*),
благословясь и перекрестясь,
пойду я из избы во двери,
из ворот в ворота.
Пойду я, раб Божий (*имярек*),
в чистое поле,
в широкое раздолье

искать матушку траву —
золотую голову.
— Ах ты, матушка трава,
золотая голова!
Буду я тебя просить:
выведи червей у милой моей животины.
Если выведешь — отпущу,
а не выведешь —
не отпущу вовеки.
Аминь.

414. Отнимают молоко

Коровушка-матушка ходит в бору,
ес[т] травонку зеленую,
травонку шелковую,
ес[т] травонку зеленую,
шелковую-муравую;
пьет на матушке сырой земле
воду ключевую студеную.
Травонка в сочку —
у коровушки молочко,
вымечки в бочку.
Матушка Угодница,
будь заступница-помощница.
У коровушки бежит молочко
по вымечки и по титечкам,
на здоровьице хозяину также.
Аминь, свято благословлено.

415. От болезни коров

Господи Исусе Христе,
и Сыне, и Боже, помилуй нас.
Как сарай стоит на четырех столбах,
стоит — не шевелится,
так чтоб моя раба коровушка
на своих четырех столбах
не шевелилась:
хвостом чтоб не махала,
головой не клевала,
смирно стояла,
как все четыре столба.

416. Вымя ладить огнивом

Стану я, раб Филипп, умываючи,
богу помоляючи,
пойду я сенями и дверями,
пойду я воротами,
в чистое поле,
в широкое раздолье,
к окияну синю морю.
На окияне синем море
стоит матушка соборна церковь.
Подойду я поближе,
поклонюсь пониже:
— Батюшко Царь Огонь,
матушка Царица Искра,
матушка Власия, Федося,
заступи и помоги моей коровушке (*кличка*),
титечки и вымочки,
ломоты, щипоты,
ветрены переломы,
скорби-болезни.
Утреня заря, вечёрня заря.
Недоговор, переговор —
буть все сполна,
буть же свято благословлена.
Как заря родица,
животиночки боль свалица.
Аминь.

417. От сглазу коровьего вымени

Приговаривают, когда взойдет зарница, трижды обведя безымянным пальцем вымя.

Скатитесь, свалитесь
скорби-болезни
у этой коровы с твоего вымя.
С гор пришли — на гору пойдите,
с лесу пришли — на лесы пойдите,
с грязи пришли — на грязь пойдите,
с рек пришли — на реки пойдите.
Скатитесь, свалитесь болезни
у этой коровы с твоева вымя.

418. От болезни вымени

Осподи Исусе Христе Небоже,
помилуй меня!
Стану я, благословясь,
пойду, перекрестясь,
из дверей в двери,
из сеней в сени,
из ворот, в вороты,
под востошну сторону.
Под востошной стороной
стоит матушка соборна церква.
В соборной церкви —
злат камень.
На златом камне —
Матушка Пресвятая Богородица.
Пойду я близешенько,
поклонюсь я низешенько,
попрошу с усердием:
— Скатите с нее.
Пособлятца она
от стесненья-заушенья.
Спасите с нее, свалите с нее:
с ясных очей,
с темных бровей,
с белого лица,
с ретивого сердца,
с горячей крови,
с лехких, с печени,
с селезенки,
со всей нутреной.
Пособите ее, спасите ее
не на год годущий,
а на век векущий.
Осподи Исусе Христежи Небоже,
помилуй ее.
Аминь.

Больное место очерчивается безымянным пальцем или крестом. "Ладят шес[т]ь дён, а то три дня — утром и вечером. До обеда не надо допускать".

419

Пойду, благословясь,
пойду, перекрестясь,

из дверей в двери,
из ворот в вороты,
на море на океан.
На море на океане,
на острове Буяне
стоит престол.
На престоле стоит
Матушка Запрестольна Богородица.
— Прошу, Матушка Запрестольна Богородица,
помогчи моей троешерс[т]ной коровушке (*кличка*)
от грудницы.
Грудная боль — грудница!
Как брус (*можно, кирпич*) исходить,
камень изнашиватца,
так и болезни сходите
с моей троешерс[т]ной коровушки.

420. От змеиного укуса ограждение

На мак произнести три раза и обсыпать маком.
Обсею маком ядучим,
обгорожу тыном железным,
чтобы в мое стадо
не попала змея летучая,
чтобы мое стадо
не укусила змея кусучая
век по веку.

421. Для прибавления молока

Господи, благослови!
Как реки идут,
как моря идут,
как ключи идут
из-под пня,
из-под коренья —
нигде запору нет,
так бы и молочку у коровушки,
(*серой*) шерстинушки (*кличка*),
нигде запору нет;
молочко, в титечки иди из жил,
из восьмидесяти поджилков,
из легких,
из ретивого сердца,
из волоска, из-под волоска

в указано местечко,
в титечки, молочко,
у коровушки-матушки собирайся.
Вода — матка, небо — батько.
Господи, сотворил небо и землю,
сотвори матушке-коровушке пищу
и еще того жору и доброго здоровья
в чистых полях, в зеленых лугах.
Аминь.

422. "От отбирания молока"

Наговаривать три раза на воду, вылить в пойло и выпоить.

Первым разом, Господним часом
Господу помолюся,
святой Матери Пречистой поклонюся.
Со всеми святыми стань же ты, Господи,
на помощь.
Заря-зарница,
всему свету помощница,
помогаешь людям — помоги и нам.
Встану я, рабица Божия (*имярек*), ранешенько,
умоюсь белешенько,
помолюсь я Богу вернешенько.
Выйду я за новые воротцы,
гляну я во чистое поле.
В чистом поле стоит загородка.
Пойду я к этой загородочке.
В загородочке стоит
богатырская коровонька (*коровочка, коровушка*),
сама молоденька,
рожки крутеньки,
копытчики золотеньки,
хвостик шелковенький.
Как эта богатырская коровенька
не боится ни змея-поперечника
и ни змеи-поперечницы.
Иди же ты, богатырская коровонька,
к той змеи-поперечницы,
к тому змею-поперечнику,
которые молоко отбирают и запрещают.
Ты ж у них молочко отбери,
рожками отбодай,
копытками отгреби
и хвостиком отмети,

молочко беленькое,
маслечко желтенькое,
сметану клубочек (*глыбочек*)
глубоко в себя, в вымечко клади
или моей коровоньке (*черно-белой Маньке*)
в вымицe клади.
Как эта богатырская коровонька
не боится ни змея-поперечника
и ни змеи-поперечницы,
так бы моя скотиночка,
(*черно-бела*) шерстиночка (*Манька*)
не боялась ни змея-поперечника,
ни змеи-поперечницы.
Иди же ты, моя скотиночка,
(*черно-бела*) шерстиночка (*Манька*),
у змея-поперечника
и змеи-поперечницы
молочко отбери,
копытцами отскреби,
рожками отбодай,
хвостиком отмети,
молочко беленькое,
маслечко желтенькое,
сметанку (*глыбочек, глубочек*)
глубоко в себя, в вымечко клади.
Что захватила, то и заговорила.
Господи, прими молитву мою.
Крестом крестись,
Своим духом держись,
утренней зарею,
вечернею зарею заходись.
Аминь.

ПЧЕЛОВОДСТВО

423. При вешнем выпуске пчел

Встану, перекрестясь,
я, раб Божий (*имярек*), благословясь,
пойду я из дверей в двери,
из ворот в ворота,

в чистое поле.
Умоюсь я утренней росой,
утрусь я некореной белой пеленой,
обоймусь я красным солнцем,
обтычусь я мелкими яркими звездами.
Пойду я к батюшке Изосиму
с совестью человеческой.
— Батюшка Изосима-совестник,
как Вы брали насекомую
в городе Иерусалиме,
на горе святой на Артипе,
садили в свой неспящий костыль
дерева кипаризу,
так же я, раб Божий (*имярек*),
беру свою насекомую пчелу —
градскую мошку
и сажу в неспящий костыль —
дерево пихту.
Встаю я по утренней заре
и запускаю свою насекомую пчелу —
градскую мошку
из ранней пасеки
на тридевять цвету,
на тридевять вербей
нести белого меду,
желтого воску
в неспящий костыль,
в дерево пихту.
Аминь.

424. Молитва при выставлении пчел весной

О Пречистая Пресвятая Богородица! Спаси и помилуй меня, раба Божьего (*имярек*), со райской пасекой и со святыми пчелами. Сошли мне могучу подпору — Изосима и Савватия: Изосим пчел держит, Савватий володеет, Иисус Христос с своей земницей, Илья-пророк — колесницей, Мать Пресвятая Богородица — нами, рабами, нашими душами. Я к ней приточуся, всех наук научуся, по Божьему велению, по твоему научению укрепи и утверди, сил смиренным надели, а пакостливую пчелу угони и прогони под восток, под восточную сторону, на окиян сине море, под Латырь-камень. Аминь.

425. От уроков пчел

Матушка быстра река,
бьешь крутые берега,

пенья, и коренья, и желтые песка,
так смой, сполошши уроки, призоры
с серой матицы (*матки*) и с серых пчел
от страшного [по форме должно быть "встречного". — Ф.Б.]
и поперечного,
от ветряного, от долгозубова и редкозубова,
от разноглазова и косоглазова,
от рыжего и черемного,
от бабы-самокрутки, от девы-простоволоски
и от самих хозяев.
Вы, мои райские пчелы, полетайте,
прилетайте на травы, на муравы,
на все цветы лазоревы, на медовые росы.
Носите вы мне воску и меду
в свои липовые улья от головы и до пят —
меду для православных христиан,
а воску Господу Богу на свечи. Аминь.

426. На охрану пчел

Встану, перекрестясь,
я, раб Божий (*имярек*),
благословясь, пойду я
из дверей в двери,
из ворот в ворота,
в чистое поле.
Умоюсь я утренней росой,
утрусь я кореной Божьей пеленой,
обоймусь я красным солнцем,
обтычусь я мелкими яркими звездами.
Пойду я к батюшке Изосиму
с совестью человеческой.
— Батюшка Изосим-совестник,
постав[ь]-ка в огород
железный тын
от земли до небеси,
до морской глубины,
чтобы не было перелета,
перескоку
к моей насекомой пчелке —
градской мошке;
никто бы мой мостик не мог поломать:
ни колдун, ни колдуница,
ни воросник, ни воросница.
Сдуну каменный нож во воды реки,

а колдунишке — горячего песка в глаза.
Аминь аминен, аминем подперта.

427. От муравьев на пасеке

Царь Муравей!
Уйми своих детей-мурашей,
чтобы твои дети-мураши
не ели, не кусали
моих райских пташек-пчелочек.
У моих райских птичек-пчелочек
тело медно, кости железны.
Батюшки-мураши,
ступайте на север,
на полдень,
на восток, на запад.
Язык мой — ключ,
уста — замок.
Аминь.

428. От воров и зверя на пасеках

Батюшко Красное Солнце
и светел Месяц,
частые звезды
и вся Лунь Господня!
Как ты, батюшко Красное Солнышко,
не стоишь ни день, ни ночь,
ни часу, ни минуты, —
обойди мою пасеку
и моих райских птичек-пчелочек
вокруг трижды раз,
и загородите мою пасеку,
святые угодники Зосима и Савватий,
тыном железным
от земли до небесной высоты,
и заприте, и замкните
тремя златыми замками
и тремя булатными ключами.
Язык мой — ключ,
уста — замок.
Аминь.

429

Господи, великий Дух гор и лесов!
Не откажи просящему.
Моя мысль сверкает, как чешуя хариуса,
как перья фазана,
при встрече с незримым царем лесных растений.
Внемли моему чистому сердцу,
верному тебе, о великий Дух,
от самого моего рожденья.
Пошли мне удачу, благослови!

430

Не уходи от меня, Панцуй!
Я пришел сюда с открытым сердцем,
С добрыми мыслями.
Дай мне прикоснуться к тебе чистыми руками,
не запятнанными ничем худым.
Пусть свидетельствует небо,
что я жил честно,
ни разу не совершив греха.
Моя любовь к ближнему не знает предела.

БЫТОВЫЕ ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ

431. Чтобы не встретить змеи

Царь восточный,
царь полуночный,
царь полуденный!
Убирай своего гада земляного,
травяного, подкустного,
подколодного, ползучего,
скакучего, летучего.
Если не уберешь своего гада,
будем просить Мать Пресвятую Богородицу
и Михаила-архангела.
Он будет огнем палить,
мечом рубить —

не будет вам места на океане-море,
под ресовым камнем.

432. От змеиного укуса

На море-океане,
на острове Буяне
сидит Змея Горыныч.
— Ты, Змея Горыныч,
ты не кусайся,
ты не одна,
вас двенадцать сестер:
бела-бела,
пуза-пуза,
пуха-пуха,
черна-черна,
сера-сера,
зелена-зелена,
красна-красна,
земляна-земляна,
болотна-болотна,
подколодна-подколодна,
ты не кусайся,
ты не ожаливай,
а то худо будет.
Аминь.

433. От укуса змеи

Стану, благословясь,
пойду, перекрестясь,
из дверей в двери,
из ворот в ворота,
под восточную сторону,
на океан-море.
На том море
выплывает бел горюч камень,
на том бел горюч камне
сидит девица Грица, волосогривица.
Подойду поближе,
поклонюсь пониже:
— Ой еси, девица Грица,
волосогривица,
вытяни и высоси
змеиное жало,

утоли щипоту и ломоту
у раба Божьего (*имярек*),
Аминь.

434

Змея опивалая серая,
у змеи опивалой, у змеи серой
у моря вода далеко,
а у меня, у (*имярек*), вода близко [плюет. — *М.М.*]
Не выпускай, нечистая сила,
жала своего до сердца моего.
Трижды раз проклят будь!
Аминь!

435

Идет (*имярек*), раба Божья, в лес —
змея, под колоду залезь!
Произносится три раза.

436

Я — в рям, змея — из ряму!
Водой подмывает,
огнем подсекает!

437

Три раза повторить и три раза плюнуть через левое плечо.
Змея Василиса,
ко мне не явися!
Тебе — пень да колода,
а мне — путь да дорога.
Аминь! Аминь! Аминь!

438

Пойду из дверей в двери,
из ворот в ворота,
на чистое поле,
на синее море.
На чистом поле,
на синем море
стоит яблонька.
На той яблоньке — три конышка,